

Михаил Родионов

Самурай правой руки

Безликие. Книга 3

Михаил Родионов
Самурай правой руки.
Безликие. Книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748784
ISBN 9785447409142*

Аннотация

Для выполнения очередного задания группа разведчиков отправлена в древнюю Японию, где друзья и враги, верность и предательство, порядочность и подлость... Разобраться во всех этих хитросплетениях, понять и разгадать многогранные тонкости восточной души предстоит нашим героям.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	33
Глава 4	62
Часть II	63
Глава 1	63
Глава 2	66
Глава 3	75
Глава 4	83
Глава 5	92
Глава 6	102
Глава 7	107
Глава 8	114
Глава 9	121
Глава 10	125
Часть III	128
Глава 1	128
Глава 2	139
Глава 3	148
Глава 4	151
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Самурай правой руки Безликие. Книга 3

Михаил Родионов

– Расскажи мне, как он жил...

– Лучше я расскажу, как он умер...

© Михаил Родионов, 2020

ISBN 978-5-4474-0914-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1

Милагрос была маленьким худеньким ребенком лет восьми. Никто не знал в точности, сколько ей лет и откуда она родом. Когда-то, лет пять назад, ее нашли у дороги, где водитель машины остановился, чтобы набрать воды у колодца. Там он и обнаружил перепуганную грязную девочку, которая пряталась ото всех и вела себя, как маленькая злая собачонка. Она совершенно не разговаривала и смотрела на всех глазами, полными страха или ненависти. Чтобы ее поймать, пришлось обмотать руки старой курткой, так как человек-звереныш кусался и царапался не меньше, чем дикий зверь.

Девочку отвезли в первую же попавшуюся по дороге деревушку и там оставили на въезде, надеясь, что кто-нибудь сжалится и подберет бедняжку. Кто были ее родители и откуда она родом, так и осталось для всех загадкой.

Через несколько часов брожения по деревне она оказалась рядом с высоким забором, за которым грозно рычала собака; однако девочка смело проползла под досками и направилась напрямик к грозному животному. На удивление хозяйина, который в этот момент находился на пати и пил толь-

ко что сваренный кофе, собака не набросилась на ребенка и не растерзала его, как ожидалось. Девочка смело подошла к миске, из которой кормили собаку, и, поудобнее усевшись на землю, принялась доставать куски расплывшейся в воде лепешки и небольшие остатки мяса. Хозяйка тарелки удивленно смотрела на смельчака, который решил так запросто забрать еду у нее из-под носа. Однако наглость и уверенность ребенка сделали свое дело.

Девочка выгребла из железной миски все, что можно было съесть, и только после этого огляделась по сторонам. Не найдя больше для себя ничего интересного, она встала, отряхнулась и направилась к небольшому домику, где жила собака. Там она легла на землю, свернулась калачиком и тут же заснула сном младенца. Собака встала и подошла поближе к своей новой соседке, обнюхала ее и, посмотрев по сторонам, зашла к себе в конуру, а девочка так и осталась спать рядом.

Хозяин огромного, по меркам деревни, дома был очень удивлен поведением своей собаки. Обычно она просто вырывала металлические цепи, прикрепленные к бетонному полу, едва только слышала незнакомые шаги рядом с забором, а тут было что-то совершенно непонятное. Тем не менее, он не стал будить ребенка, так как сам несколько побаивался подходить к своему огромному и свирепому псу. Вечером он палкой придвинул чашку, из которой ела собака, поближе к себе и кинул в нее немного еды. Так же, палкой, отодвинул

все это назад к собаке и стал наблюдать, что будет дальше.

Собака съела ровно половину и отошла к своей будке, а оттуда вылезла утренняя заспанная девочка и, придвинув к себе остатки еды, принялась уплетать за обе щеки все, что так великодушно ей было оставлено. Хозяин удивился еще больше. Такого он не слышал, чтобы кто-то мог вот так запросто зайти в конуру его собаки. Эту огромную и свирепую псину знала вся округа. Когда она несколько раз срывалась с цепи и выбегала на улицу, то вокруг сразу становилось тихо. Все сидели по домам, и даже собаки переставали лаять. Несколько раз она бросалась на людей и сильно калечила их.

Если бы не авторитет хозяина, то ее уже давно бы пристрелили или отравили. Но все знали, что ее хозяин – очень уважаемый человек, который ведет бизнес с большими людьми из города, и поэтому ему все прощалось. Он был неглупым человеком и решил посмотреть, что же дальше выйдет из этой непонятной дружбы свирепого пса и маленькой девочки. Он не боялся, что у него что-то может пропасть: вокруг всегда сновали его рабочие, и все двери закрывались на прочные засовы и замки.

Утром девочка была на своем месте. Она все так же после завтрака пса подошла к тарелке и уверенно доела свою половину. Новый день она уже проспала не за будкой, а в теньке в обнимку со своим новым другом. Так продолжалось около недели. Девочка уже настолько обжилась, что даже стала изредка отходить от своего нового места жительства. Она осто-

рожно обходила территорию и сразу же возвращалась бегом, если кого-нибудь встречала. Ее пробовали позвать к себе, но она совершенно не обращала ни на кого внимания.

Через какое-то время до деревни дошли слухи, что армия проводила в лесах операцию по уничтожению одного из многочисленных заводов по производству наркотиков. В ожесточенной перестрелке погибло много солдат правительственных войск, а также много людей одного из местных наркобаронов. А так как на заводе работали жители из близлежащих деревень, то многие из них там и проживали с семьями. Судя по всему, ребенок был оттуда. А хозяин решил, что не будет ничего страшного, если он оставит его у себя, к тому же через пару лет это будет пара бесплатных рабочих рук. Так судьба девочки была решена. Через месяц она совсем освоилась и даже стала брать еду из рук хозяина дома.

Ее называли Милагрос, или просто Милка, и через какое-то время она стала откликаться на свое новое имя. Спала она, как и прежде, в большой конуре собаки, и единственное, что поменялось в ее жизни, – это то, что теперь перед конурой стояли не одна, а две тарелки с едой и одна общая с водой. В дом ее не пускали по-прежнему и крепко-накрепко запрещали общаться с детьми хозяев. Они были на пару лет старше Милки, и у них были свои собственные игрушки. Но не это вызывало восторг у маленькой девочки.

Во дворе год назад поставили самые настоящие качели,

и все дети по очереди катались на них. Они взлетали к самому небу, раскачиваясь все сильнее и сильнее, и, чем выше они поднимались в небо, тем сильнее замирало сердце Милки. Она прижимала свои худенькие ручки к груди и не дышала, боясь нарушить эту идиллию. По ее мнению, на свете не существовало ничего, что могло бы даже отдаленно сравниться с удивительным счастьем полета. Ей категорически запретили даже близко подходить к качелям, и она частенько по ночам осторожно подползала к ним и трогала их руками – на большее она не могла решиться. Еще у хозяйских детей была большая мягкая игрушка – старый потрепанный медведь. У него уже не было одного глаза и задней лапы. Но для Милки он был самым красивым и лучшим из всех игрушек на свете. Его иногда забывали вечером на крыльце, и тогда Милка могла погладить его и даже походить с ним по двору, пока никто не видит.

Сначала она работала на полях – собирала красный перец на плантациях. Но однажды у нее началась сильная аллергия, и она чуть не задохнулась от острого запаха. Когда она пришла в себя, хозяин решил, что девчонка уже готова к настоящей работе, и ее отправили под землю.

Глава 2

Хозяин Милки был посредником между местными производителями героина и оптовыми покупателями из Штатов. Для безопасной транспортировки запрещенных партий товаров был вырыт под землей специальный канал, который проходил под границей между Мексикой и Штатами. Этот канал бесперебойно работал уже много лет и считался одним из самых безопасных и надежных.

Теперь Милку отправили работать в этот подземный коридор. У нее был свой участок с проложенными рельсами, по которым нужно было толкать небольшую вагонетку, груженную пакетами с порошком. На следующем участке ее встречал другой курьер. Они перегружали все к нему, и он отправлялся дальше, до следующего участника переправки. За ночь она успевала переправить по своему участку две вагонетки – это была ночная норма, а утром ей давали немного поспать, а затем она отправлялась на работы во дворе – подметала, следила за скотиной, таскала воду, продукты и получала свою порцию унижений от всех подряд.

Все прекрасно знали, что у нее не было защитников, и поэтому каждый старался поиздеваться над ней вволю. Каждый считал своим долгом дать ей подзатыльник, а если повезет, то и пнуть. Она была готова к любому развитию событий и поэтому частенько уклонялась от ударов и быстро пряталась.

лась в конуре собаки, а там она уже была в полной безопасности. Никто не решался даже близко подойти к грозному животному, и она, переждав опасный для себя момент, выходила наружу.

Если днем все издевались и били ее, то ночью под землей она чувствовала себя хозяйкой. Здесь не было людей, и она спокойно толкала тележку впереди себя по темному коридору и совершенно не боялась. Фонарь слабо освещал железную дорогу, а она что-то мурлыкала себе под нос. В темном коридоре ее всегда встречал один и тот же человек – это был парнишка немного старше нее. Он постоянно кашлял и с большим трудом управлялся со своей тяжелой поклажей.

Обратно толкать тележку было одно удовольствие. Она была пустая и легко катилась, иногда, если посильнее ее растолкать, можно было даже прокатиться пару метров. В такие моменты Милка чувствовала себя совершенно счастливой. Тележка казалась ей роскошным средством передвижения, прямо как у хозяина, и она катилась до тех пор, пока ее самодвижущаяся машина не останавливалась полностью. Тогда счастье заканчивалось, и ей приходилось вылезать из нее и снова начинать толкать.

Воздух под землей был тяжелым и стоялым, но зато там не было мучителей, и она была готова не выходить на поверхность сутками. Обычно после переправки второй партии у нее уже еле хватало детских сил дотолкать тележку до контрольной точки. Милка почти на четвереньках подни-

малась на свежий воздух. Там она несколько минут просто лежала на земле и дышала, а затем ползла в конуру спать. У нее было три-четыре часа на сон. Она сразу же засыпала и просыпалась только тогда, когда приносили еду для нее и собаки.

Однажды она случайно услышала, как сеньор разговаривал с женой, речь шла о ней:

– Ты совсем ее загонял уже, посмотри, во что она превратилась – смотреть страшно. Перед людьми стыдно, если ее кто увидит...

– Ничего, пока справляется, пусть хлеб отработывает, я что, ее просто так буду кормить? Ничего с ней не случится.

– А заболит если? Подцепит какую-нибудь заразу и к нам занесет...

– Ну, если заболит, то просто пристрелю во дворе и в лесу закопаю.

– Хорошо, только ты приглядывай за ней, а то потом поздно будет, да и выросла уже – вон сколько ест, как взрослая собака, но от той хоть толк есть какой-то...

– Ну, пару лет еще поработает, а потом можно будет в Штаты продать.

– А там она кому нужна такая замарашка?

– А я почему знаю, они всегда детей скупают, говорят, что, вроде как, на органы их разбирают, или еще куда... Короче, сами знают, нам до этого дела нет, это уж их проблемы дальше...

Милка очень испугалась, услышав такой разговор, и больше всего на свете боялась заболеть, чтобы ее не разобрали на органы... Она даже старалась меньше есть, чтобы показать сеньорам, какая она выгодная, но продержаться смогла только три дня – голод заставил ее снова вылизывать из тарелки все, что ей туда набросали добрые хозяева. Через месяц она немного успокоилась и опять начала изредка играть со старым плюшевым медведем и осторожно трогать качели.

Но в ее жизни были и радостные моменты. Как-то осенью взволнованный хозяин запретил ей спускаться ночью под землю – правительство проводило зачистку этой местности, и он решил не рисковать. Целых четыре дня Милка спала в конуре и по ночам гуляла во дворе. Это были самые счастливые дни в ее жизни. На радостях она даже сумела проволокой открыть замок у своей соседки-собаки, и та носилась вместе с ней по двору всю ночь. Они играли и веселились до самого утра, а когда стало светать, то собака послушно проследовала к своей цепи и сама подставила мощную шею под ошейник.

А вот дальше уже все было совсем по-другому. Одна из последних выходных ночей была очень жаркой, и Милка решила лечь спать на свежем воздухе. Она проспала около трех часов, когда неожиданно ее разбудил сильный удар по лбу. Она миглом вскочила и, оглядевшись по сторонам, юркнула в собачью конуру. Голова гудела так, будто в ней ра-

ботала кузница. Милка осторожно выглянула на улицу и увидела детей хозяина. Они громко смеялись и тщательно прицеливались в нее большими осколками кирпичей. Она едва успела уклониться, как один из камней сильно ударился в стену, где еще долю секунды назад была ее голова. Детям было очень весело, и они продолжали свое занятие до тех пор, пока сам сеньор не выглянул во двор, чтобы выяснить, почему собака лает на всю деревню:

– Вы что тут устроили, сорванцы?

– Мы играем с Милкой-замарашкой...

– Только не подходите к ней близко, а то испачкаетесь, и мать будет ругаться...

– Мы не подходим – просто кидаем в нее, а она прячется от нас, неблагодарная дрянь...

– Ну, хорошо, только в собаку не попадите, а то покалечите еще, а новая-то денег стоит.

– Хорошо, папа, мы осторожно...

Милка потрогала огромную шишку на лбу и почувствовала, как у нее закружилась голова. Сразу же стало тошнить, и она, потеряв сознание, упала на собачью подстилку. Дети, увидев лежащую жертву, вышли из себя от ярости:

– Папа, смотри, она целыми днями только и спит, ее даже разбудить мы не можем.

– Дай-ка, я попробую, – хозяин взял приличный камень и запустил им изо всех сил в спящую принцессу.

Камень попал ей по ноге, но она совершенно не отреаги-

рвала, хотя было заметно, что удар был очень сильным.

– Может, она умерла?

– С чего бы это?

– Наверное, наелась чего-нибудь... Она вечно все ест, еще и у собаки отбирает.

– И как же ее теперь доставать оттуда? Она же вонять теперь будет. От живой-то сколько хлопот было, а теперь еще и мертвая будет здесь нам мешать...

– Нужно будет собаку убрать и выкинуть замарашку из будки...

– А кто собаку уберет? Она никого не подпускает к себе...

Пока они обсуждали, как достать тело Милки, та стала потихоньку приходить в себя. Сначала она пошевелила рукой, затем головой. Ее движения сразу же были замечены, и все вздохнули с облегчением, что не нужно теперь тратить время на хлопоты с трупом. Милка обтерла лицо от крови и, увидев, что никто больше не кидает камни, вылезла из будки, но на ноги встать не смогла: нога сильно опухла и посинела от хозяйского камня. От одной только мысли, что теперь ее точно отправят в страшные Штаты и всю разберут, у нее снова закружилась голова, и она опять провалилась в глубокий обморок. Перепуганные дети снова принялись звать отца:

– Папа, смотри, она снова умерла...

– Да что такое с ней сегодня? Я не собираюсь нянчиться с больной, проще вышвырнуть ее за забор и пусть живет, как знает, – у нас не приют для больных и голодных...

Милка открыла глаза и попыталась понять, где она находится. Через некоторое время она обвела всех осознанным взглядом и поползла в тень. Некоторое время на нее не обращали никакого внимания – все ждали, чем закончится ее борьба между жизнью и смертью. Если бы в этот день нужно было выходить на работы под землю, то ее, скорее всего, просто прибили бы в сарае и выбросили в лесу, а на ее место взяли кого-нибудь из деревни.

Но сегодня работ не было, и у нее появилось немного времени, чтобы прийти в себя. Целый день она не могла даже привстать: сильно кружилась голова, а из раны на лбу постоянно сочилась кровь. Нога посинела и опухла еще сильнее. Когда стемнело, Милка доползла до тарелки с водой и выпила все, что там находилось. После этого ей стало немного лучше, и она смогла привести мысли в относительный порядок.

Когда в голове слегка прояснилось, она огляделась по сторонам. На глаза ей попался старый сарай, в котором были навалены старые вещи, выброшенные из дома. Милка долго смотрела на него и совершенно неожиданно для себя поползла на четвереньках к приоткрытой двери. Этот сарай никогда не запирался, так как там не было ничего ценного, и деревянная дверь едва держалась на петлях, готовая свалиться от любого дуновения ветерка. Милка проползла в щель от перекошенной двери и стала тщательно высматривать непонятно что. Она и сама не понимала, что делает и что ищет, но пре-

красно осознавала, что если увидит то, что ей так нужно, то сразу же узнает это и поймет, для чего это ей так необходимо.

Ее ожидания оправдались через пару минут. Она остановилась у небольшой бочки, которая была наполнена короткими рейками. Милка выбрала две подходящие, по ее мнению, сняла со своей курточки пояс и, приложив рейки к больной ноге, крепко перетянула их поясом, смастерив таким образом своеобразную шину. Затем выползла во двор и принялась наощупь в полной темноте перебирать руками сорную траву, растущую вдоль забора. Через некоторое время она нашла именно то, что искала и, нарвав немного листьев, тщательно их пережевала и приложила получившуюся кашицу на рану на лбу. Эту процедуру она провела несколько раз за ночь, и к утру ей стало уже значительно лучше. Когда тошнота становилась совсем уж невмоготу, Милка, опять совершенно неожиданно для себя, ложилась на левый бок, вытягивала левую руку, а правую прикладывала к сердцу, и через некоторое время тошнота полностью уходила.

Когда стало светать, она спряталась в будке и целый день не выходила оттуда. Следующей ночью ей удалось немного попить и поесть, и к утру она уже полностью контролировала свое тело. Голова не болела и не кружилась, тошноты не было, кровь на лбу запеклась и перестала сочиться, а небольшой костыль, сделанный в сарае из подручных досок, позволял уже кое-как передвигаться. Она совершенно не понимала, откуда у нее могли возникнуть познания в области меди-

цины – все это всплыло откуда-то изнутри в самый необходимый момент и, возможно, спасло ей жизнь.

По истечении двух дней, вечером, на крыльцо вышел хозяин и внимательно осмотрел двор – он искал Милку. Она, завидев его, выползла из собачьей конуры и встала, стараясь сделать совершенно здоровый вид. Хозяин скептически осмотрел ее и чуть слышно произнес:

– Работать сможешь?

– Смогу, – пропищала Милка и для пущей убежденности сделала несколько шагов, почти не опираясь на костыль.

– Если две ходки за ночь не сделаешь, то мне придется нанять другого человека.

– Я все сделаю, не волнуйтесь, у меня уже ничегошеньки не болит совсем...

– Смотри у меня, не посмотрю, что ты давно здесь живешь – выброшу, как собачонку, на улицу.

– Я буду еще лучше работать, только, пожалуйста, не выгоняйте меня на улицу...

– Ладно, там видно будет. Сегодня вечером пойдешь под землю... и чтобы работала, как и раньше, а то там тебя и закопаю...

– Да, сеньор...

Хозяин зашел в дом, а Милка с тихим стоном опустилась на землю. Нога болела так, что казалось, что вместо нее торчит раскаленная докрасна кочерга. О том, чтобы работать,

не могло быть и речи, но у Милки было около часа, чтобы найти выход из сложившейся ситуации. То, что ее закопают или продадут в Штаты, если не выполнить план, она несколько не сомневалась. Ей самой приходилось пару раз рыть могилы в лесу для людей, которых она видела еще два часа назад живыми и здоровыми, и угрозы хозяина были весьма убедительны.

Милка сидела рядом с огромной собакой и пыталась хоть как-то отвлечься от дикой боли в ноге, мысли не слушались и роились в голове в совершенном беспорядке. «Так, главное – успокоиться. Из любой, даже самой критической ситуации всегда есть, как минимум, два выхода. Просто нужно их найти». Милка собрала в кулак всю оставшуюся у нее волю и попыталась заставить мысли работать в одном направлении. «Работать я все равно не смогу, поэтому нужно бежать – это первый выход. Опасно? Опасно, но зато есть шанс остаться в живых. Второй выход – это... второй выход – это... Какой же второй выход-то? А второй выход – это заставить работать кого-нибудь вместо себя». От этой мысли ей самой стало невероятно смешно, и она даже тихонько захихикала над своей глупостью. На данной фазенде, да и во всей деревне, она была самым беззащитным и угнетаемым человеком, и о том, чтобы кто-то поработал вместо нее, не могло быть и речи. Но тем не менее оба выхода были найдены, и теперь оставалось выбрать из них самый подходящий.

Она тщательно обдумывала и перебирала всевозможные

варианты, но в голову ничего достойного не приходило. Когда время было почти на исходе, ее вдруг осенило: «Как же это я сразу-то не догадалась?» Решение было у нее под боком, а она его не видела. Это был очень опасный и рискованный вариант, но зато он в случае успеха мог улучшить и облегчить ее жизнь не только на сегодняшний день, но и на все остальные.

Милка, чтобы не тревожить больную ногу, на руках и одной коленке доползла до хлева, где держали скотину. Там, под двадцатисантиметровым слоем навоза, находился люк, под которым скрывался спуск в подземный коридор. Каждый вечер она разгребала этот проход, а утром снова закидывала, поэтому найти его было практически невозможно.

Милка заранее очистила себе дорогу вниз и осторожно спустилась в душную темноту. С большим трудом пройдя метров пятьдесят, она наткнулась на свою пустую тележку. Подземный курьер с товаром еще не дошел до ее участка, и она, усевшись поудобнее, принялась ждать доставку. Минут через тридцать-сорок послышалось тяжелое дыхание и легкий скрип железных колес. Вдали показался слабый, еле заметный свет от керосиновой лампы. Курьер был точен – ровно в назначенное время он уже был на месте где стояла отметина, обозначающая, что его территория закончилась, и теперь помогал Милке перегружать товар в ее тележку. После того как они управились, он пустился в обратный путь за новой партией. Милка подождала, пока он удалится, уси-

ленно делая вид, что пересчитывает белые пакеты и аккуратно их раскладывает, чтобы они не упали во время транспортировки, и когда курьер был уже на довольно-таки приличном расстоянии, преспокойно развернулась и пошла обратно к выходу наверх.

Она не торопилась и была совершенно спокойна. Ее взгляд излучал уверенность в своих силах и действиях. Если бы кто-нибудь смог ее увидеть такой, то наверняка не узнал бы в этом решительном и уверенном в себе человеке заморыша Милку. Она осторожно поднялась наверх и тщательно огляделась. Во дворе жена хозяина загоняла в дом загулявших детей. Те капризничали и не хотели идти ужинать. Вскоре все стихло, и Милка осторожно пробралась в будку. Там она улеглась на старой подстилке, положив голову на собаку, и крепко заснула. Спала она пару часов, а когда проснулась, то почувствовала себя намного лучше.

Обратной дороги у нее уже не было, и теперь нужно было выполнять в точности тот план, который у нее родился вечером. На улице стояла кромешная тьма и такая же пугающая тишина. Ни один листочек на деревьях не шевелился, ни одна травинка не шелохнулась, когда Милка осторожно вышла из своего убежища. Она деловито огляделась по сторонам и, удостоверившись в своей полной безнаказанности на данный момент, стала отвязывать огромную собаку. Та сначала решила, что они пойдут играть, и стала весело пры-

гать вокруг своей маленькой подруги, но у Милки на сегодняшнюю ночь на нее были совершенно другие планы. Она крепко взяла собаку за большой ошейник и повела в хлев к зияющей в полу дыре. Собака долго не могла понять, что от нее хотят, и Милке пришлось буквально силой столкнуть ее в этот черный проем. Затем туда же спустилась и она сама. Собаке сначала было немного не по себе в незнакомом месте, но через несколько минут она полностью освоилась, и теперь с ней можно было делать все, что душе угодно. Милка крепко привязала ее к тележке, уселась сверху товара и тихонько дала команду: «Давай, иди вперед...»

Собака категорически отказалась выполнять не свойственную ей задачу, чем несколько озадачила свою хозяйку. Прошло полчаса, а они так и не смогли договориться. Собака ни в какую не хотела тащить тележку, а времени навёрстать упущенное уже не оставалось. Милка в любом случае не успела бы сделать две ходки до рассвета. Нужно было придумывать новый план, причем срочно. Был еще один вариант, правда, совсем слабый, но он все-таки давал некую надежду, что она еще проживет немного. Можно было без груза пройти до следующего курьера и попытаться уговорить его помочь ей дотащить груз до его участка. Такого еще никогда не было, но другого выхода на данный момент у нее просто не существовало.

Она взяла лампу и, осторожно опираясь на костыль, побрела вдоль темного бесконечного коридора вперед. Како-

во же было ее удивление, когда она услышала сзади себя звук двигающейся тележки. Собака совсем не хотела оставаться одна в этом страшном месте и устремилась за Милкой. Она быстро догнала свою хозяйку, и теперь они шли рядом друг с другом. Милка могла облокотиться на тележку, снимая всякую нагрузку с больной ноги. Со временем она уже иногда просто повисала на краях и проезжала некоторое расстояние. Скорость, с которой они передвигались под землей, была в несколько раз быстрее обычной. Одна человеческая сила совершенно не могла сравниться с одной собачьей, и к пункту прибытия они добрались значительно раньше.

Чтобы никто не задавал лишних вопросов, Милка, немного не доезжая до перевалочного пункта, отвязала собаку и прицепила ее к рельсам, строго-настрого запретив издавать какие-либо звуки. Собака глядела умными понимающими глазами на маленькую девочку и готова была выполнить любое ее приказание. Милка с огромным трудом дотолкала тележку в назначенное место. Курьер был уже здесь. Они перегрузили товар к нему и разъехались в разные стороны. Милка дождалась, как и в первый раз, когда он отъедет подалее, и спокойно привела своего помощника.

Пустая тележка весело летела в обратный путь. Собака почувствовала, что они возвращаются, и мчалась вперед. А Милка сидела в тележке, и у нее захватывало дух от этой сумасшедшей гонки. Что-то ей напоминала эта бешеная скачка. У нее было такое чувство, что это уже где-то бы-

ло, что она уже испытывала эти новые для себя ощущения.

Вторая ходка прошла точно так же, как и первая, словно под копирку. Когда они вернулись во второй раз с пустой тележкой, на улице было еще темно, а Милка совсем не устала. Теперь оставался еще один завершающий этап ее плана. Нужно было как-то вытащить собаку из этого подземного мира. Милка поставила два ящика один на другой, а сверху на них приспособила небольшую лестницу, но собака, даже не взглянув на грандиозное сооружение, сделанное Милкой, в один прыжок перемахнула через все эти постройки и очутилась наверху. Милке не оставалось ничего, кроме как привязать ее к будке и закидать навозом спуск вниз. После этого она отправилась спать после трудовой ночи и проснулась, когда услышала, как один из рабочих двигал палкой две тарелки с едой – одну для нее, а вторую – для собаки. Следующей ночью все повторилось. Собака перевезла весь груз, а Милка почти полночи проспала. Жизнь потихоньку начала налаживаться.

Дела у хозяина, судя по всему, шли не очень хорошо. Чтобы как-то компенсировать только ему одному известные убытки, он взялся доставлять груз теперь уже и из Штатов. Если раньше Милке приходилось таскать товар лишь в одну сторону, то теперь она уже возвращалась с полной тележкой уже другого вида товара. Но это ее теперь мало волновало. Собаке было все равно – таскать полную тележку или

пустую. Животное обладало огромной силой и совершенно не замечало степень загруженности.

От нечего делать Милка однажды ночью открыла деревянный ящик, который везла в обратную сторону и заглянула внутрь. «Автомат Калашникова, укороченный. Калибр – семь шестьдесят два. Магазин на тридцать патронов – китайская подделка...» – она опять сильно удивилась своим мыслям. Ее мозг выдал полный расклад по данному виду оружия, хотя она точно знала, что никогда в жизни не видела и тем более не держала в руках автомат. Ей хватило одного взгляда, чтобы определить, оригинальный это образец или подделка.

Милка не на шутку перепугалась. Последнее время ее стали одолевать непонятные мысли и воспоминания. Ей было не больше восьми лет, а мыслей было, как у взрослого человека. Она могла неожиданно проснуться ночью и ни с того, ни с сего умножить в уме двести шестнадцать на сто двадцать семь и безошибочно дать ответ. В школе она никогда не училась и не могла ни писать, ни читать, но когда на днях хозяин сидел с толстым журналом в руках на веранде, Милка неожиданно для себя прочла название журнала – «Плейбой». Когда к хозяину приезжали люди из города, то он разговаривал с ними с помощью переводчика; однако Милка, сидя в конуре, прекрасно всех слышала и понимала, о чем они говорят, и даже несколько раз отметила про себя, что переводчик неправильно объясняется. Что с ней творилось,

было для нее сплошной загадкой.

Единственными друзьями у нее по-прежнему были собака и маленькая кукла, сделанная из соломы. У куклы не было лица, но зато она всегда ждала ее и, как казалось Милке, очень радовалась ее возвращению. Иногда Милка приносила ей какую-нибудь обновку – сделанную из травы юбочку или шляпку, и они вместе радовались новым нарядам. Нога потихоньку стала заживать и теперь уже не приносила столько мучений.

Однажды вечером Милка услышала непонятный шум в доме хозяина. Она осторожно выглянула и внимательно осмотрела двор – все было, как всегда, но из дома доносилась громкая музыка и радостные крики детей. Милка, тщательно маскируясь, пробралась через двор и осторожно заглянула в распахнутое окно. То, что она увидела, заставило ее замереть на месте от восторга: в столовой стоял огромный стол, заставленный всякой едой, а вокруг него прыгали и веселились нарядные дети. Мальчики были в белоснежных рубашках, а девочки – в восхитительных платьицах. На них можно было смотреть часами. Милка застыла на месте от переполнявшей ее радости. Но вдруг один из гостей заметил в окне взъерошенные волосы на голове непрошеной гостьи и, указав на нее, громко закричал:

– Ой, смотрите, а это кто?

– Где, где?

– Вон, в окне торчит пугало с огорода...

Все весело засмеялись, а один мальчик подскочил к столу, схватил большое яблоко и со всего маху запустил им в Милку. Но не тут-то было. Милка всегда была готова к опасности и, ловко увернувшись от пролетевшего в сантиметре от нее предмета, все так же торчала в окне. Детей такой расклад, судя по всему, никак не устраивал. Пример был подан, и они все бросились к праздничному столу. Через секунду в Милку полетели бананы, апельсины, пироги и еще много всего-всего вкусного. Через минуту весь двор уже был усыпан различными кушаньями, и Милка исчезла. Ей понадобилось несколько заходов, чтобы собрать все, что накидали дети, и перенести это в конуру. Нарядные дети выскочили во двор, чтобы продолжить травлю, но Милка находилась на территории собаки, куда никто из них зайти не решался, поэтому они какое-то время еще постояли во дворе, а затем вернулись на свою вечеринку.

Сегодня у Милки и собаки был праздничный обед. Еды было столько, что ее могло бы хватить и на несколько дней, но собака в один миг проглотила весь остаток продуктов. Спать они ложились уже без запасов, но зато с полными желудками. На утро у них еще оставались фрукты, которые собака великодушно оставила для Милки.

Девочка лежала на грязной подстилке и смотрела в потолок будки. Во рту у нее была сладкая конфета, и она сосала ее, блаженно жмурясь от удовольствия. Будь ее воля, она це-

лыми днями только и делала бы, что ела конфеты. Эта конфета была уже второй в ее жизни. Первый раз она попробовала лакомство несколько лет назад, когда один из рабочих нес пакеты с продуктами на кухню и, запнувшись о порог, рассыпал часть сладостей. Милка бросилась ему помогать и тихонько спрятала одну круглую конфету за бидон с водой. Вместо благодарности за помощь рабочий отвесил ей сильный подзатыльник, но Милка была не в обиде. Поздним вечером она незаметно прокралась к заветному месту и достала свое сокровище. Девочка лежала рядом с будкой, смотрела на звезды и при этом ела ту самую конфету, вкус и аромат которой еще много дней преследовал ее и заставлял с надеждой вглядываться в каждого, кто имел хоть какое-то отношение к кухне – может быть, небеса сжалятся, и кто-нибудь споткнется еще хотя бы один разочек...

Вернувшись после ночной работы, Милка легла спать, но уже через пару часов ее разбудили крики во дворе. Она выглянула и опять обомлела от удивления: дети хозяев во дворе катались на настоящем велосипеде. Он был блестящим и с круглыми колесами, которые сверкали на солнце тоненькими спицами и приковывали взгляд так сильно, что от этого зрелища совершенно невозможно было оторваться. Милка зачарованно смотрела на веселящихся детей и тут же пообещала себе, что если велосипед когда-нибудь оставят во дворе, то она обязательно до него дотронется, как дотрагивается иногда до качелей. Покачаться на качелях она так

ни разу и не решилась, но зато она могла себе позволить их иногда трогать.

Ночью, пред тем как спуститься под землю, Милка была в непонятном волнении, она не находила себе места, и если раньше в это время она могла себе позволить немного поспать, то теперь ворочалась с боку на бок и никак не могла успокоиться. В доме уже давно спали, на улице стояла полная тишина. Милка выползла из конуры и, оглядевшись, вышла на середину двора. Ноги сами несли ее к огромной железной двери дома. По пути она подобрала какую-то проволочку и пару тоненьких палочек. Для чего все это ей было нужно, она совершенно не знала – голова, руки и ноги работали сами по себе, помимо ее воли. Осторожно добравшись до тяжелой двери, она еще раз оглянулась и, убедившись, что за ней никто не наблюдает, просунула проволочку в замочную скважину и в мгновение ока вскрыла сложный механизм. Дверь приоткрылась, и она прошмыгнула внутрь. Милка положила деревянные палочки на порожек, чтобы дверь случайно не захлопнулась, и прикрыла ее. Затем она осторожно стала пробираться по темным большим комнатам и коридорам.

Ей ни разу не доводилось бывать в этом доме, да и вообще в домах, но она прекрасно ориентировалась и, казалось, могла с закрытыми глазами пройти в любой конец жилища. Милка не знала, куда она идет и зачем. Ноги все так же несли ее в каком-то направлении, и она сейчас напоминала краду-

щуюся кошку на охоте. Впереди замаячила еще одна дверь, но и с ней она справилась с такой же легкостью, как и в первый раз.

Войдя в помещение, она увидела разные полки, столы, коробки и еще много чего, но ее внимание сразу же привлекли разноцветные шуршащие пакетики – это были конфеты и различные сладости. Милка осторожно вскрыла пару коробок и достала несколько упаковок печенья и конфет, а затем аккуратно все запечатала. Теперь никто и никогда не смог бы догадаться, что кто-то уже лазил в этих ящиках. По дороге назад Милка прихватила с кухни несколько кусков жареной курицы и две бутылки кока-колы, все это были остатки ужина хозяев. Руки у нее теперь были полностью заняты продуктами, и она незаметно сумела выскользнуть из дома, предварительно убрав все свои нехитрые приспособления и плотно закрыв за собой дверь. Курица досталась собаке, а Милка всю подземную дорогу лопала конфеты, чипсы и запивала сладкой кока-колой. Такие вылазки она теперь стала делать каждую ночь. Ей удавалось так хорошо маскировать следы своего ночного пребывания в доме, что ни у кого даже мысли не могло возникнуть, что по ночам здесь хозяйничает Милка-замарашка.

С каждым днем она становилась увереннее и сильнее. Если раньше она очень боялась людей и их грубости, то теперь иногда можно было заметить, как она прищуривает гла-

за и сжимает свои маленькие кулачки. Теперь уже редко кому удавалось дать ей подзатыльник – она всегда была настороже, и застать врасплох ее было уже совершенно невозможно.

К тому же люди в доме стали замечать странные вещи – стоило только кому-нибудь из них обидеть Милку, как в их жизни сразу же начинали случаться разные неприятности. Водитель хозяина как-то от нечего делать пнул ногой тарелку, из которой всегда пила Милка, и та на целый день осталась без воды. На следующий день ему нужно было съездить по важным делам хозяина в соседнюю деревню, но по пути у него что-то сломалось в двигателе, и он почти сутки проторчал один в поле на жаре, без еды и воды. Кухарка как-то забыла накормить Милку и собаку, так вечером у нее неожиданно оборвалась веревка в колодце, и ей самой пришлось лезть в глубокую яму, чтобы достать ведро и все исправить, иначе ей сильно попало бы с утра от хозяев. Соседский мальчишка кинул в Милку камнем, а ночью у него во дворе отвязалась злая собака, которая цапнула его за ногу, когда тот утром вышел во двор... Теперь люди старались лишний раз не доставать Милку и не нагружать ее лишней работой.

В ее обязанности по-прежнему входила работа под землей и вечерняя уборка двора. А так как ночная смена у нее проходила в облегченном варианте, за счет помощи собаки, то вскоре Милка зажила, по ее мнению, просто замечательно. Весь ее подземный путь был усыпан фантиками от конфет

и пакетиками от чипсов и различного печенья. Она не отказывала себе ни в чем, и чувство голода уже было забыто давно и навсегда. В ее голове проносились какие-то обрывки непонятных воспоминаний и переживаний – вот она прыгает с парашютом в джунглях, а через секунду уже поднимается на поверхность в подводной лодке. Вот управляет самолетом, а вот зашивает рану на ноге... Воспоминаний было много, и она относилась теперь к ним, как к сновидениям. Уже было непонятно, что действительно ей приснилось, а что выплыло из глубин подсознания. Изредка перед глазами всплывали какие-то лица. Некоторые были очень знакомыми и близкими, а некоторые отвратительными и отталкивающими.

Глава 3

Однажды в деревню приехал большой яркий фургон – это происходило раз в год, торговцы из города привозили нерезализованный товар и продавали деревенским жителям все за полцены. Обычно к такому фургону невозможно было подойти. Все старались приобрести себе какую-нибудь обновку за небольшую плату, и в этот день в деревне всегда был негласный праздник. Хозяйка, выйдя во двор и не найдя никого, кто попался бы ей на глаза, громко крикнула:

– Милка, ты где? Спишь, небось, опять? Вечно лодырничает, сидишь на нашей шее...

– Я не сплю, сеньора – я причесывала собаку, чтобы вам не было стыдно перед вашими гостями из-за нее...

– Чего ты там несешь? Кого еще ты там причесываешь? Собирайся, мы идем за покупками... Не мне же тащить все это на себе, и умойся, вон, в корыте еще вода осталась...

– Конечно, сеньора... Я мигом...

Милка выскочила из конуры и бросилась через весь двор к большому корыту с водой. Там она быстро умылась и утерлась своим еле прикрывающим тело платицем:

– Я готова...

Хозяйка скептически оглядела свою помощницу:

– Одна стыдоба, сколько тебе ни давай одежды – ты все грязная и дырявая... Вот это платье когда тебе дали?

– Три года назад, сеньора...

– И ты за три года его превратила в лохмотья? Больше ничего не получишь от меня, если не умеешь к вещам бережно относиться. Я не собираюсь каждые три года тебе гардероб обновлять...

– Да, сеньора...

Они вышли со двора и пошли в сторону большой площади, где уже громко играла музыка и собралась почти вся деревня. Милка плелась позади своей хозяйки и удивленно оглядывалась по сторонам. Последний раз она была на улице днем около пяти лет назад, еще совсем ребенком, и теперь ей все было интересно. Ночью здесь выглядело все по-другому. При солнечном свете яркие краски на домах и заборах играли совершенно не так, как ночью, и торжественно одетые люди вокруг придавали всему вокруг некую праздничную атмосферу.

Помимо распродаж одежды, с фургоном приехал и небольшой цирк, чтобы привлечь как можно больше людей. Здесь были карусельки и фокусники, ларьки со всевозможными лакомствами и игрушками. Дети катались на ярко раскрашенных лодочках и весело визжали от восторга. Милка не могла оторвать глаз от такого счастья. Ей казалось, что она может отдать все, что у нее есть, только бы хоть один разочек прокатиться вместе с радостно орущими детьми. Но это было из области фантастики.

Ее хозяйка уже находилась рядом с одним из павильонов

с одеждой и вовсю торговалась из-за какой-то длинной юбки. Наконец, продавец сдался и отдал почти за бесценок свой товар, лишь бы побыстрее отделаться от навязчивой деревенской покупательницы. Он положил юбку в пластиковый пакет и, протягивая хозяйке, произнес:

– Носите долго. У такой женщины, как вы, обязательно должна быть именно такая юбка.

– Спасибо...

– Сеньора, я хотел бы у вас спросить...

– Слушаю вас...

– Вы не знаете, случайно, где здесь можно набрать свежей воды? Нам до вечера здесь на солнце стоять, а вода уже почти вся закончилась в грузовиках...

– Ну, если вы мне сделаете скидку вон на ту блузку, то вам принесут воды столько, сколько вам необходимо.

– С вами иметь дело – одно удовольствие.

Они поговорили еще несколько минут, после чего хозяйка послала Милку, чтобы та натаскала нужное количество воды для приезжих. Милка была счастлива... Ей удалось на законных основаниях находиться на улице и глазеть на разноцветные карусели. Она сломя голову понеслась домой и, вбежав во двор, стала взглядом разыскивать ведро. Выбрав посудину поменьше, она наполнила ее водой из колодца и потащила на площадь. Хозяйка была все еще там. У нее уже был довольно большого размера пакет в руках, и она останавливалась у каждого ларька. Милка осторожно протянула воду

продавцу, но тот замотал головой:

– Неси воду к грузовикам. Видишь, вон стоят?

– Да, сеньор... – пискнула Милка и потащила свое ведро к огромным машинам. Она медленно шла между грузовиками и внимательно осматривала все, что попадалось ей на глаза. Не зная, куда дальше нести воду, она подошла к группе шоферов, которые собрались возле одной из машин и что-то бурно обсуждали:

– Да нет, я проверял, говорю же...

– Может, сразу блок заменить?

– Где ты его здесь возьмешь? До сервиса сутки добираться...

– Ну, я тогда не знаю, что еще может быть...

Милка немного постояла рядом с измазанными водителями и послушала их разговор. Один из них все время находился в кабине и пытался завести мотор, а остальные гадали, какие неполадки могли закраться в работу двигателя. Милку никто не замечал, и она могла спокойно отдыхать рядом со своим ведром. Неожиданно для себя, она вдруг ясно увидела в голове всю схему двигателя и принцип его работы. Сразу же всплыли возможные неполадки и пути их устранения. Милка уверенно подошла к мужчинам и, осторожно потянув одного из них за руку, тихонько пропищала:

– Сеньор, простите мне мою наглость, что я влезаю в ваш разговор, но у вас неполадки в свечах – нужно их заменить,

и все заработает, а остальные запчасти работают очень хорошо, и их не нужно трогать...

– Ты кто, девочка?

– Я воду вам принесла, мне хозяйка сказала, а ей сказал продавец, который продал ей юбку, которая на самом деле уже не модная и мала ей по размеру, а она ее купила и теперь положит в огромный ящик и никогда не наденет – она всегда так делает...

Эта длинная речь рассмешила молодых мужчин, и они даже не успели рассердиться, что какая-то шмакодявка пытается давать им советы. Насмеявшись вволю, один из них произнес:

– Ты, конечно, хорошая девочка, только свечи мы уже поменяли на новые, а двигатель все равно не заводится... вот свеча у меня еще в кармане лежит старая... Подожди, а где старая свеча... Не понял... Мы же поменяли на новую, а новая вот она... Ну-ка, дай посмотрю... Ну, так и есть... Когда свечи меняли, то опять старую поставили, а новую я в карман убрал. Что, некому было проверить?

Они быстро поменяли свечу, и машина, грозно рыкнув, завелась и выдала кучу грязного черного дыма...

– Ну, ты, прям, молодец. А откуда ты про двигатели знаешь или просто так сказала?

– Не знаю, просто подумала, что свечи нужно заменить...

– А мой двигатель можешь послушать? Что-то он работает как-то с перебоями...

– Давайте, заводите...

Милка прислушалась к работе машины и многозначительно произнесла:

– Вам бензонасос нужно прочистить. Там фильтр есть такой, ну, в карбюраторе...

Она оказалась права. Через несколько минут машина работала как новенькая, а весть о чудо-ребенке, который на слух может определить любую неполадку в двигателе, разнослась среди водителей. Все пришли посмотреть на нее. Один из водителей в суতোлке опрокинул ведро с водой, и Милка вскинула руки:

– Ой, вода пролилась, теперь хозяйка меня прибьет...

– Ничего она тебе не сделает, сейчас привезем воды столько, что хватит на бассейн, не переживай... А ты, значит, у хозяйки живешь?

– Да...

– А где твои родители?

– Нет у меня никого. Вот только хозяин и хозяйка, но зато у них есть собака, и мы с ней дружим...

– Ясно... Вот что, пойдем-ка со мной сходим вон в тот магазинчик.

– А зачем? Воды у меня все равно ведь нет...

– Да забудь ты про свою воду...

Они подошли к одному из павильонов, и водитель громко крикнул хозяину:

– Ты где там прячешься? Выйди к нам...

– Ну, чего тебе? Жара такая, что лишний раз не хочется носа на улицу высовывать.

– Посмотри, у тебя на эту девочку есть одежонка попрличнее какая-нибудь?

– Найдем... Ботинки тоже нужны?

– Да, все, что нужно, давай тащи...

– Расплачиваться будешь наличными или карточкой?

– Расплачиваться? Ты что, совсем обнаглел? Ты мне сейчас ее оденешь по полной программе, и если еще хоть слово об оплате скажешь, то мне придется директору сообщить, по какой цене ты тут впариваешь все людям и по какой отчитываешься перед ним.

– Да пошутил я, ты чего, совсем уже шуток не понимаешь? Мы с тобой сколько лет уже вместе катаемся, могу я пошутить или нет? Сейчас все будет...

– Вот так-то...

Водитель повернулся к Милке:

– Сейчас все будет у тебя, и будешь самая нарядная здесь. Просто у меня у самого две дочки растут, такого же возраста, как и ты. Кстати, ты есть, наверное, хочешь?

– Нет, спасибо, сеньор, не хочу.

– Ну, хочешь-не хочешь, а пряниками мы тебя все равно угостим...

– А можно мне вместо пряников один разочек прокатиться на карусели? Там есть машинка и уточка, я хотела на уточ-

ке – совсем недолго, а только чуть-чуть...

– Сейчас оденешься и будешь до вечера кататься на всем, что здесь есть...

Пока они разговаривали, торговец подобрал уже большую кучу одежды и теперь старательно выбирал размер. Милка зашла в прохладный павильон и быстро переделась. Из-за ширмы она вышла уже маленькой королевой. Если бы не грязные волосы, которые торчали в разные стороны, как пальмы, то ее теперь вполне можно было принять за ребенка из очень благополучной семьи. Торговец забрал ее старые вещи и собрался все выкинуть в мусорное ведро, но Милка вцепилась в них обеими руками:

– Дядечка, не выбрасывайте, меня хозяйка прибьет, если я не верну ей вещи, к тому же мне нужно будет работать в них. Не могу же я в праздничном платье работать... оно сразу же испачкается...

Торговец был вынужден отпустить комок грязной одежды и, завернув его в пакет, протянул Милке:

– Держи свое богатство...

– Спасибо вам, сеньоры...

Водитель взял девочку за руку и повел дальше. Они дошли до небольшого вагончика, где сидел какой-то большой начальник. Шофер смело зашел к нему и сел на стул рядом с ним:

– Вот что, тут такое дело... короче, выпиши «вездеход»

на одно лицо.

– Кому?

– А вон девочка стоит...

– С чего бы это?

– А ты у ребят спроси... она всем двигатели отремонтировала.

– Так это она и есть тот чудо-ребенок?

– Точно...

– Дай-ка я на нее хоть посмотрю...

Начальник подошел к Милке и заглянул ей в глаза:

– Слыхал, слыхал, молодец, девочка...

Водитель не отставал от него:

– Ну, давай уже выписывай, нам некогда ждать...

– Сейчас, что, уже пара минут для тебя роль играет?

– Для меня нет, а вот для нее – да.

Начальник на какой-то яркой бумажке написал несколько слов и протянул Милке:

– Держи... Если захочешь покататься на чем-нибудь или поесть – просто покажи эту бумажку, и тебе все сделают. Мы здесь будем два дня, поэтому можешь все это время находиться здесь. Если еще что-нибудь будет нужно, сразу же приходи ко мне, я все время в этом вагончике. Он погладил Милку по голове и вернулся к своим делам.

Милка уже не могла устоять на месте, ее неумолимо тянуло на улицу к каруселям. Там была большая очередь, и она

боялась, что строгая хозяйка вернется за ней, и она не успеет покататься. Милка встала в очередь, но тут же находившийся рядом с ней водитель взял ее на руки и пронес над головами ожидающих к самому входу. Там он показал пропуск, и молодой парень на входе услужливо раскрыл перед ней дверцу, чтобы она могла занять самое хорошее место. Милка тут же бросилась к своей уточке и, усевшись на специальную скамеечку, поправила свое нарядное платье. Ей казалось, что весь мир сейчас смотрит на нее и восхищается ее нарядом. Катание на каруселях длилось не более пяти минут, и они пролетели как один счастливый миг. Милка вся вжалась в деревянную скамеечку, когда контролер выводил после сеанса детей и заводил новых, но на нее никто не обращал совершенно никакого внимания, и она смогла наслаждаться своим счастьем безмерно долго. Она больше двух часов каталась на всех каруселях, а потом осмелилась и, зайдя в магазин сладостей, протянула свой билет, опустила глаза и еле слышно прошептала:

– Мне булочку, политую розовой карамелью...

На ее удивление, продавец достал для нее самую большую и красивую булочку и в придачу дал еще горсть конфет. Вскоре Милка ходила по базару с полными карманами всяких сладостей. Она уже перекаталась на всех без исключения каруселях и теперь думала о том, как бы ей наиболее безболезненно вернуться домой. То, что ей сильно попадет, она нисколько не сомневалась, поэтому нужно было, по воз-

возможности, смягчить будущий удар. Милка, не раздумывая, направилась к грузовикам – там ее уже хорошо знали и всегда радостно приветствовали. Знакомый водитель выпрыгнул из высокой кабины и, взяв ее на руки, стал расспрашивать о сегодняшнем дне:

– На всех каруселях покаталась?

– Да, на всех...

– А покушать ходила?

– Нет, не ходила, но мне дали конфет и сладких лепешек с напитками...

– Ну, какая же это еда. Пойдем, сейчас тебя накормят по-настоящему...

– Я не из-за этого пришла...

– Случилось что? Давай, рассказывай, может, обидел кто?

– Нет, что вы. Здесь все так здорово. Никто не обидел, просто я заигралась, а хозяйка меня теперь будет ругать и платье отберет, наверное, которое вы мне подарили...

– Ах, вот оно что... Ну, не переживай, эту проблему мы сейчас быстро решим. Жди меня здесь, я сейчас вернусь...

Водитель ушел и вернулся, действительно, очень быстро. У него в руках был небольшой сверток. Он опять подхватил Милку на руки и весело крикнул:

– Ну, вот и все, а ты боялась... поехали к тебе домой, показывай дорогу...

– Мы поедем на этой большой машине?

– Конечно, но если ты хочешь на другой, то покажи, на ка-

кой.

– Нет, я хочу на этой, на вашей...

– Ну, тогда садись...

Он открыл дверцу, и Милка впорхнула в этот дом на колесах. Это, и правда, был самый настоящий дом. Здесь было все: спальные места, столовая, туалет и даже небольшая душевая кабина. Милка сидела у окна и разглядывала все с огромной высоты. Ей теперь, наверняка, будут завидовать все дети в деревне. Прокатиться на настоящем грузовике – такого не было ни у кого даже в самых смелых мечтах.

Доехали они слишком быстро, по мнению Милки, она даже не успела вдоволь насладиться своим счастьем, как они уже оказались напротив ее дома с огромным забором. Водитель, улыбаясь, подмигнул ей:

– Хочешь посигналить?

– Очень хочу, а можно?

– Конечно, можно...

Милка перелезла поближе к рулю и что есть силы потянула за веревку, свисавшую рядом с водителем. Машина, грозно фыркнув, издала такой оглушающий рев, что у Милки буквально захватило дух от восторга. Она дернула за веревочку еще раз, и все повторилось – Милка была счастлива. А из дома уже вышел хозяин и, стоя на крыльце, разглядывал огромную машину на дороге. Он вышел во двор и открыл ворота, чтобы выяснить, что же нужно этому водителю. Каково же было его удивление, когда из кабины вместе

с водителем вылезла Милка. Шофер взял ее за руку и повел к хозяину:

– Здравствуйте...

– Добрый день...

– Вот возвращаю вам вашу принцессу – хозяйка сегодня утром ее прислала к нам, чтобы она нам помогала. Большое вам спасибо, она очень хорошо потрудилась, и в знак благодарности наш директор просил передать хозяйке вот этот сверток.

Хозяин сделал добродушное лицо и в один миг стал самым милым человеком на свете:

– Милагрос, девочка моя, ты не сильно устала?

– Нет, сеньор...

– Ты, наверное, голодная осталась? Сейчас тебе принесут поесть и сразу же иди отдыхать – нечего маленькому ребенку так много работать... А с хозяйкой я еще разберусь – ишь, чего удумала, маленьких детей отдавать чужим людям на работы, еще этого только не хватало...

Водитель погладил Милку по голове, протянул хозяину сверток с какой-то одеждой и направился к своей машине. Он громко хлопнул дверью и, помахав на прощанье всем рукой, начал медленно разворачиваться. С высоты кабины ему хорошо просматривался весь двор, и он успел заметить, как Милка с глазами, полными слез, провожала его взглядом. Неожиданно огромная машина остановилась, и водитель вы-

прыгнул из кабины. Он снова направился к дому Милагрос:

– Эй, хозяин, вы еще здесь?

– Да, что-то хотели еще?

– Да, хотел... Я совсем забыл... Наш директор хотел попросить вас еще об одной услуге.

– Какой?

– Мы бы хотели, чтобы Милагрос и завтра нам помогала на рынке – само собой, что все это будет хорошо оплачено, и вы останетесь довольны.

– Ну, я даже не знаю, маленький ребенок, один, на рынке... Не знаю, не знаю...

– Вы не переживайте, за ней будет постоянный присмотр, и к тому же вы сможете даже немного заработать на этом...

– Ну, что ж, вы меня убедили – завтра с утра наша крошка будет у вас...

Милка прыгала на месте от счастья. Она, действительно, сейчас была самым счастливым ребенком на свете. Хозяин повернулся к ней:

– Иди, радость моя, завтра с утра тебе предстоит тяжелый рабочий день, и ты должна как следует отдохнуть.

Водитель еще раз всем помахал рукой и, огласив напоследок всю округу грозным воем машины и подняв клубы пыли, уехал обратно. Хозяин вернулся в дом. По дороге он успел крикнуть Милке:

– Не забудь сделать две ходки ночью, а потом можешь отдыхать и работай на рынке как следует. Смотри мне, если

на тебя будучи жалобой. Ты поняла меня?

– Да, сеньор, поняла...

Хозяин вошел в дом и развернул пакет, привезенный водителем. В его руках оказалось красивое платье с соломенной шляпкой. Он покрутил все это в руках и остался доволен:

– Жена, ты где?

– Сейчас подойду...

– Живее иди...

– А что случилось?

– Сейчас узнаешь...

Хозяйка вышла на зов мужа и застыла в дверях, увидев в его руках такую роскошь. Он протянул все это ей:

– Нравится?

– Нравится, а где взял?

– Это подарок тебе на твой день рождения, вот выбирал, выбирал и остановился на этом комплекте...

– Так у меня день рождения будет только через четыре месяца еще...

– А я не удержался и решил тебе прямо сейчас подарить...

– Спасибо тебе...

Жена бросилась на шею мужу:

– Какой ты у меня внимательный...

– Еще бы... И это еще... Милку завтра с утра отправь на рынок на весь день – ей там какую-то работу нужно сделать, хотя бы кормить ее не придется, все какая-никакая

польза от нее.

Милагрос лежала в конуре и смотрела на свои новые ботиночки. Они были просто восхитительны – блестящие застежки и кожаные петельки. «Жаль, подошва только быстро протрется, и по скалам в них особо не попрыгаешь. Это, конечно, не берцы, но для ребенка сойдет», – пронеслось у нее в голове. Она подскочила от неожиданности, чем очень удивила собаку, которая также вскочила и стала смотреть по сторонам, тщетно ища причину столь резких действий Милки. Вокруг все было спокойно и тихо, и собака тут же снова улеглась и сразу же уснула. А Милка все никак не могла успокоиться. Каждый день она чувствовала, как какая-то сила проникает в ее тело. Каждое утро она просыпалась с новыми знаниями и воспоминаниями. Все это вначале было очень страшно, но потом она стала получать от этого интерес, и новые воспоминания были такими захватывающими и красочными, что теперь она уже с нетерпением ждала нового дня, чтобы насладиться очередным остросюжетным фильмом из глубин своей памяти.

Сегодняшнюю ночь Милагрос ждала с особым волнением. Интуиция подсказывала, что именно сегодня должно было произойти что-то такое, что в корне изменит всю ее жизнь и ее саму.

Вечер прошел в обычной обстановке, и ничто не предвещало никаких неожиданностей. Вода в тарелке была налита,

и Милка совершенно сбилась с толку – она все никак не могла понять, чего же она так тревожно ждет. Когда настало время спускаться под землю, она, по уже созданной ею самой традиции, сначала прошмыгнула на кухню, а затем на склад. В этот раз она набрала полную запазуху пакетов с чипсами и шоколадных конфет.

Уже выходя со склада, она неожиданно для себя заметила небольшую дверь, которая раньше всегда была открыта, но сегодня почему-то заперта на замок. То, что дверь была заперта, и заинтересовало Милагрос. Она деловито осмотрела замок и в одно мгновение открыла его ногтем. Это было небольшое помещение, куда всегда складывали мешки с мукой и сахаром. Милка равнодушно обвела все это взглядом и собралась уже выйти в коридор, но вдруг ее взгляд остановился на новых коробках, которые стояли вдоль стены. Милка осторожно открыла одну и вытащила небольшой кулек. Это была мука в полиэтиленовом пакете и сахарная пудра. Тут не было бы ничего удивительного, если бы размеры и вид данных пакетов очень не напоминал те пакеты, которые она вот уже столько лет перевозила под землей.

План в голове маленькой Милагрос родился в один миг. В течение секунды она уже просчитала все варианты, затраченные усилия и конечный результат. Судя по всему, именно конечный результат ее и устроил больше всего, и, зло усмехнувшись, она крепко сжала свои маленькие зубки. Она вернулась на кухню и выложила всю свою сегодняшнюю добы-

чу – праздновать ей сегодня не придется. Милагрос наложила в большой пакет столько мешочков с мукой и сахаром, что еле смогла поднять, и потащила все это в хлев, к подземному ходу. Ей пришлось несколько раз повторить свой маршрут, прежде чем набралось нужное количество. Затем, спустившись под землю, она принялась ждать курьера с товаром. Через какое-то время появился и он. Он тяжело дышал и обливался потом, когда помогал Милке перекладывать товар из своей тележки в ее. В самом конце Милка протянула ему холодную бутылку колы, пару пряников и горсть конфет. Курьер, мальчик примерно такого же возраста, как и она сама, схватил подарки и в один момент все это съел и выпил, только после этого он улыбнулся, первый раз за столько лет:

– Спасибо тебе, в жизни не ел ничего вкуснее...

– Пожалуйста.

– Может, тебе помочь тележку толкать? Так я могу немного...

– Нет, спасибо, я сама... и это, ты, когда вторую партию привезешь, то меня не жди – просто товар выгрузи здесь и уходи сразу же, я немного задержусь сегодня...

– Хорошо...

Первый раз за столько лет они разговаривали. Раньше они даже не здоровались, а теперь смогли пару минут пообщаться.

– Ну, мне пора, значит, я тебя во второй раз уже не жду, а сразу же возвращаюсь...

– Да, все правильно...

– Ну, до свидания...

– И тебе до свидания...

Милагрос подождала, когда курьер увезет свою тележку подальше от ее места, и принялась перетаскивать мешочки с белым порошком наверх. Товара было много, и она изрядно устала, пока горка под землей, поменялась местами с горкой в хлеву. Когда мешки с мукой и сахарной пудрой были аккуратно уложены на тележку, настало время работы собаки. Та уже прекрасно знала, что от нее требуется, и тележка быстро покатила в темном подземном коридоре. По времени они теперь всегда легко укладывались.

Прибыв на место, Милка тоже угостила следующего курьера холодными напитками и кое-какими сладостями. Они немного радостно поболтали, и затем все разошлись в разные стороны. Мука и сахар теперь продолжили путь вместо белого порошка. Что за этим впоследствии могло произойти, несложно было догадаться.

Вернувшись к входу, Милка порвала один из пакетов и рассыпала его в хлеву, слегка перемешав с навозом. Часть пакетов она зарыла недалеко от конуры, часть опустила на веревке в колодец и несколько замаскировала в сараях. Случайно их найти было невозможно, но при даже небольшом обыске все это сразу же выплывало наружу. Этого она и добивалась.

Затем Милка опять пробралась в дом и зашла в комнату,

где спали дети. Она осторожно подошла к одной из кроватей и медленно вытащила из-под кучи старых игрушек плюшевого медведя. Взяв его на руки, она вышла во двор и деловито осмотрелась. Ее взгляд привлек велосипед, прислоненный к стене. Она с трудом забралась в седло и, виляя из стороны в сторону, поехала вдоль забора. Удовольствия от катания она не получила и поэтому направилась к качелям. Там Милка бросила велосипед и села на небольшую лавочку, которая заменяла сиденье. Она раскачивалась высоко-высоко, и плюшевый медведь сидел рядом с ней. Вдоволь накатавшись, она отправилась спать в конуру...

Рано утром Милагрос, умытая и причесанная, уже стояла у больших ворот. Ее платье было разглажено и почищено. Ни у кого не могло даже и мысли зародиться, что еще несколько часов назад эта девочка занималась очень серьезными и опасными делами. Хозяйка проснулась первая и, выйдя во двор, чтобы посмотреть погоду, увидела Милку:

– Ты еще здесь, бездельница? А ну, марш на рынок, там тебя уже давно ждут, наверное... Ишь, прохлаждается здесь. Давай, давай, иди уже, нечего на меня зенками своими тарашиться...

Милагрос радостно выпорхнула из ворот и, оглянувшись на двор, на несколько секунд задержала свой взгляд. Она прощалась со своим детством и годами жизни, проведенными в этом кошмаре. Собаку она еще ночью отвела за деревню

и отпустила в лес, и та радостно умчалась носиться по полям и лесам. Теперь Милку ничто не удерживало здесь. Она была свободна, и обратного пути назад у нее больше не было.

На рынке еще все спали, и она, усевшись на подножку одной из больших машин, принялась терпеливо ждать, когда же все, наконец-то, проснутся... Ждать пришлось недолго. Примерно через полчаса из кабин по одному стали выходить сонные люди. Они сладко потягивались после ночи и разминали руки и ноги. Кто-то умывался на улице, кто-то – в машине, и уже через час вся стоянка грузовых автомобилей гудела, как улей. Водители громко перекрикивались и смеялись друг над другом.

Милка носилась между ними и помогала, чем могла: кому-то подать полотенце, кому-то набрать воды и так далее. Через какое-то время все отправились завтракать в вагончик-столовую, и Милка была теперь полноправным членом их дружной команды. Ей наложили целую гору различных сладких лепешек поверх тарелки с какой-то едой, и каждый старался отдать ей свой десерт. Вскоре ее столик был полностью завален различными сладостями, и она еле смогла вылезти из столовой. О том, чтобы работать, не могло быть и речи – она легла на крыше одного из грузовиков и, болтая ногами, рассматривала бегающих внизу людей. Каждый, кого она окликала, махал ей рукой в приветствии и предлагал покататься именно на его машине, но Милка всегда отказывалась – теперь она каталась только со вчерашним дя-

денькой. Он и сегодня постоянно за ней приглядывал и категорически запретил поднимать всякие тяжести, даже воду таскать: «Не детская это работа, сами принесут». Вскоре в машине Милки набрался уже довольно-таки большой пакет со всевозможными сладостями – водители по-прежнему, пробегая мимо девочки, давали ей какие-нибудь вкусности, и она впервые за много лет почувствовала себя настоящим ребенком, которого все баловали и любили. Через некоторое время Милкин водитель забрался в кабину и завел мотор:

– Поедем кататься?

– Поедем, а куда?

– Машину нужно помыть – примерно час туда и столько же обратно, ну, и там немного.

– А мне можно?

– Конечно, как же я без тебя-то?

Сегодня у Милагрос был самый счастливый день в ее жизни. Она ехала в огромной машине с добрым дяденькой, в кабине работал кондиционер, и она была сыта – большего для счастья нельзя было и придумать. В машине играла музыка, и путешествие на реку обещало быть удивительным. Они приехали на большую автомобильную стоянку, где уже находилось несколько грузовиков, и заняли очередь. Рабочие в одинаковых майках с помощью шлангов быстро справлялись со своей работой. Очередь шла быстро, но тем не менее нужно было ждать пару часов. Милка и ее новый друг отправились прогуляться по берегу реки.

Огромные деревья своими ветками почти касались воды, и здесь было не так жарко, как на стоянке. Вода в реке была теплой, и Милка залезла в речку по пояс. Она никогда не плавала, но это ее нисколько не пугало. Осторожно зайдя в воду, она несколько раз глубоко вдохнула и с размаху нырнула, сразу же поплыв, как рыба. Водитель не сводил с нее глаз. Милка плавала кролем, брассом, на спине. Казалось, что она выступает на соревнованиях, так как скорость, с которой она рассекала воду, была просто ошеломляющей. Когда она вволю наплавалась, они пошли дальше. Через какое-то время подошла их очередь. Мойщики работали быстро, и Милка даже не успела устать в ожидании, как они закончили. Водитель отогнал грузовик в сторону и повернулся к Милке:

– Мне в магазин нужно сходить, ты здесь останешься или со мной пойдешь?

– С вами, если можно...

– Ну, тогда пошли...

Они направились в небольшой магазин электроники, который находился здесь же. Водитель нес в руках небольшой пакет со старым ноутбуком и, как только зашел в магазин, сразу же выложил его на прилавок:

– Можете посмотреть, что с ним?

– Это займет время...

– А сколько?

– Я не могу так сразу сказать.

– Ясно...

Они вышли из магазина, и водитель с грустью посмотрел на свой компьютер:

– Сломался в дороге, теперь как без рук без него...

– А что именно произошло?

– А ты и в компьютерах разбираешься?

– Пока не знаю, но могу посмотреть, если вы мне все подробно расскажете...

Водитель стал объяснять, при каких обстоятельствах его техника перестала работать; в середине рассказа его неожиданно прервала Милка:

– Ну, понятно, дальше не нужно... Значит, так, если ремонтировать долго, то нужно будет купить несколько деталей, а если быстро, то можно будет просто поменять один блок.

– А ты сумеешь?

– Сумею, только мне нужен паяльник...

– Паяльника нет, и здесь не продают нигде...

– Тогда газовая горелка, гвоздь и плоскогубцы...

– Ничего себе... Ну, давай попробуем, уж это все я смогу найти в машине...

– Только вы мне не мешайте, а то там осторожно нужно будет отпаивать и припаивать.

– Хорошо, как скажешь, волшебница.

Милка была довольна собой. Она удобно расположилась за деревянным столом на стоянке и разложила перед собой

все необходимые инструменты. Нужные запчасти для ноутбука купили тут же в магазине, и теперь она осторожно копошилась внутри компьютера. Ей понадобилось больше часа, чтобы закончить свою работу. Милка полностью собрала ноутбук и подключила его к длинной переноске. Водитель в это время находился в машине и занимался уборкой внутри кабины, поэтому Милка была совершенно одна, и ей никто не мешал. Когда он осторожно подошел к ней, то просто обомлел – Милка играла в какую-то компьютерную игрушку, и его ноутбук работал как новенький. Мужчина не поверил своим глазам: один из знакомых, только взяв в руки его компьютер, сразу же определил, что его выгоднее просто выкинуть, чем ремонтировать, и что никто не возьмется чинить такую поломку, а маленькая девочка без нужных инструментов мигом все отремонтировала, и теперь все работает, как часы. Водитель дотронулся до плеча Милки:

– Все, готово?

– Да, тут легко было. Если еще что-нибудь нужно отремонтировать, то вы только скажите...

– Там программы некоторые барахлили немного, можешь посмотреть?

– Я уже все посмотрела. Сейчас переустановка идет, а через полчаса все будет готово. Я еще вам бесплатный интернет установила, так что теперь платить не нужно нигде – там рекламные акции идут постоянно, и ваш компьютер сам будет их отслеживать и подключать, вам ничего даже делать

не нужно. А еще он сам теперь будет обновляться всегда, как только новые программы появятся.

– Ну, ты молодец... И откуда ты все это знаешь и умеешь?

– Не знаю, мне кажется, я все это знала и умела всегда...

– А где твои родители и почему ты живешь в том доме?

– Я маленькая была и не помню ничего. Помню только этот дом и конуру, в которой живу с собакой.

– Ты живешь в конуре с собакой?

– Да, это мое место. По ночам я работаю во дворе, а днем немного сплю, и за это мне дают немного еды и разрешают жить здесь. А родителей у меня, наверное, никогда не было – иначе они бы уже давно за мной приехали.

– Тяжело тебе...

– Я уже привыкла. Когда я вырасту, то заработаю денег и уеду в город, там у меня живет дядя. Он очень хороший и меня обязательно примет к себе, а сейчас я пока еще маленькая и не смогу сама доехать до города.

– А как тебя отпустят хозяева?

– Я не буду у них спрашивать, просто уеду – и все. Они, наверное, даже и не заметят, что меня не будет. У них полно рабочих и без меня.

– Если хочешь, то можешь с нами доехать до города. Мы выезжаем сегодня ночью и будем на месте через три дня. Там мы разыщем твоего дядю, и будешь жить у него. Только все равно нужно будет предупредить твоего хозяина, иначе он может в полицию обратиться, что ты пропала.

– Он не будет обращаться – он злой и всех бьет. Он даже меня всегда бьет, а рабочие у него все работают, потому что боятся его очень.

– Ладно, этот вопрос мы решим, а сейчас нам нужно уже возвращаться. Сегодня еще рабочий день на рынке, а потом мы начнем собираться. Тебе нужно забрать какие-нибудь вещи?

– Нет, у меня нет вещей никаких, а это платье, что вы мне подарили, оно на мне, а больше мне нечего брать. Если только тарелку, из которой я ела, но я ее не могу забрать, потому что мы с собакой едим из нее по очереди, и она тогда останется без тарелки...

Милка поймала слабую сторону водителя и теперь постепенно тянула за тонкую струну его души. Тот чуть ли не со слезами на глазах выслушивал грустную историю деревенского ребенка и сочувствовал ему всей своей душой. Милка это понимала, и теперь водитель был у нее на невидимом поводке. У нее уже был разработан план, и она следовала ему неукоснительно. Они забрались в машину и отправились в обратный путь. На рынке Милку опять встретили, как настоящую принцессу. Водитель рассказал о новых талантах ребенка, и теперь Милка была засыпана разными приемниками и магнитолами, которые требовали небольшого ремонта. Вскоре у нее за одним из столов уже была своя собственная маленькая мастерская. Не успевал водитель принести ей на ремонт какую-нибудь технику, а уже через несколько ми-

нут он слышал писк в свою сторону:

– Забирайте магнитолау, давно готова уже... кто следующий?

Водители не могли нарадоваться на Милку. Во время обеда она сидела в центре стола, и вокруг нее, как и за завтраком, все было заставлено фруктами и десертами. Она опять еле вылезла из-за стола, и ее уложили спать в одну из машин, где она и провалялась пару часов. Все считали, что она очень устала, и старались не шуметь возле машины, где спала маленькая принцесса, как прозвали Милагрос между собой водители. Маленькая хрупкая девочка заставляла грубых мужчин, привыкших к бесконечным трудностям на опасных дорогах, чувствовать себя отцами и проявлять невиданную доселе нежность к ребенку. Ее все полюбили, и каждый старался по возможности побаловать девчущку.

Вечером, перед самым ужином, воздух деревеньки неожиданно прорезал отдаленный звук взрыва. Сразу же за ним последовала стрельба из автоматов, ружей и пистолетов. Казалось, что где-то совсем недалеко шел ожесточенный бой. Послышался вой сирен полицейских машин. Администратор рынка сразу же дал команду немедленно выезжать, и машины, даже не подготовившись полностью к отправлению, стали спешно покидать территорию деревни. Милагрос сидела в кабине рядом со своим другом и внимательно наблюдала за всем, что происходит вокруг. Водитель по рации

связался со своими друзьями, чтобы выяснить, что же произошло, и в динамиках зазвучал чей-то голос:

– Наркодельцы что-то не поделили. То ли кого-то кинули, то ли подставили, и в деревню приехала целая бригада боевиков, чтобы разобраться с обидчиками...

– А ты откуда это все узнал?

– Старший нашей группы прослушал полицейскую волну. Сейчас сюда вызвали армию, и через час здесь будет самый настоящий ад.

– Ясно, а что за взрывы там были?

– Это закидали гранатами дом, где жил помощник одного из наркобаронов.

– Жертв много?

– Да, полно, с обеих сторон. Там еще его бойцы должны сейчас подъехать – для этого армию и вызвали, говорю же, быстрее отсюда уезжайте, сейчас такое здесь начнется, всю деревню с лица земли сотрут вместе с бойцами...

Водитель посмотрел на перепуганную Милку:

– Ну, теперь тебе точно придется с нами ехать до города. Здесь оставаться опасно. Не переживай, найдем мы твоего дядю, и все будет у тебя хорошо...

Милка доверчиво хлопала большими глазами и умиленно смотрела на своего спасителя. Тот чувствовал себя настоящим героем. Еще бы, у него есть самая настоящая возможность помочь маленькой испуганной девочке и избавить ее от всех ужасов бандитский войн.

Глава 4

Во время одной из непредвиденных остановок, когда всю дорогу перегородило стадо коров, водитель вышел из машины и подошел к пастуху, чтобы купить у него немного парного молока для своей спутницы. Милка быстро достала ноутбук и включила его. Когда компьютер загудел и засветился экран, она включила установленный сегодня днем «скайп» и набрала очень сложный адрес, состоящий из множества различных символов. Ей не отвечали, но она продолжала стучать и стучать. Через какое-то время на экране появилась смутная тень. В неясных очертаниях она все же сумела узнать знакомый силуэт. Ее сердце радостно забилося:

– Алло, кто это? Блок, это ты? Вытащите меня скорее отсюда... Я не знаю, где нахожусь, – звонок отследите и заберите меня...

БлокАДА удивленно смотрел на экран:

– А кто это?

– Как, кто? Это же я, Лау, конечно, кто же еще-то... – донесся с экрана чей-то совершенно незнакомый голос...

Часть II

Глава 1

Компьютер громко и настойчиво требовал к себе внимания. Долгий звук вызова наполнял комнату и как бы говорил всем, что этот вызов не случаен и не ошибочен. Кто-то усиленно вызывал их на связь. Все удивленно переглянулись:

– Кто это может быть?

– Мне тоже интересно – наш номер скайпа знают только члены группы, а случайно его набрать просто невозможно, там очень сложная комбинация из цифр и букв... Блок, ты ближе всех стоишь, посмотри, кто там...

Блок осторожно выпустил страховочный ремень из рук и, удивленный не меньше других, направился к компьютеру... Он открыл ноутбук и нажал кнопку «ответить». Комната сразу же наполнилась какими-то посторонними звуками; казалось, где-то недалеко мычат коровы и работает дробилка, и сквозь эту какофонию звуков прорезался чей-то очень молодой и звонкий голос:

– Алло, кто это? Блок, это ты? Вытащите меня скорее отсюда... Я не знаю, где нахожусь, – звонок отследите и заберите меня...

Блок удивленно смотрел на экран:

– Кто это?

– Как, кто? Это же я, Лау, конечно, кто же еще-то... – донесся с экрана чей-то совершенно незнакомый голос...

Затем качество связи ухудшилось настолько, что уже совершенно ничего невозможно было разобрать – какие-то обрывки слов и посторонних звуков.

Блок какое-то время стоял у компьютера и не сводил глаз с монитора. Тинки удивленно смотрела на руку, где еще несколько секунд назад красовалась красная нить. Свит крепко держал ремень. А РоМ парил над ночным городом. Каждый был занят делом. Тишину и оцепенение прервал строгий голос Блока:

– Всей команде немедленно собраться в зале, и вытащите уже этого Карлсона с улицы...

Свит осторожно стал подтягивать ремень и, перехватив руку РоМа, быстро втащил его обратно. Они проследовали в указанное место, и только РоМ демонстративно остановился у двери, перегородив проход для Тинки:

– Куда это ты, интересно, собралась? Разве не слышала, что собираются только члены команды? Здесь посторонним не место...

– Вот еще...

Тинки ткнула пальцем РоМа с такой силой, что тот, охнув, согнулся пополам. Она втянула живот и на цыпочках прошмыгнула в образовавшуюся щель мимо строгого охранника и заняла место, заранее приготовленное для нее Блоком.

Блок внимательно посмотрел на всех:

– Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит? Если есть какие-то соображения, то высказывайте...

– Я лично зафиксировал смерть Лау – она была мертва. К тому же я присутствовал при сожжении тела, – Свит пытался оправдываться...

– Ты не мог ошибиться? Может быть, это была не она?

– Ошибиться? А откуда тогда у нее могла появиться капсула для возвращения? Или вы думаете, что там они на каждом шагу валяются? Нет, это была она, точно она.

– Да, мы не могли ошибиться, я лично с ней разговаривал, – Блок восстанавливал в памяти последние моменты жизни девушки...

– Тогда кто звонил? Этот номер знаем только мы...

– Совсем непонятно, но выяснить нужно обязательно...

– Откуда был звонок?

– Сейчас скажу... – Тинки занималась с ноутбуком и через пару минут выдала результат, – откуда-то из Мексики, глухомань какая-то...

Блок встал, помолчал несколько секунд и, наконец, произнес тоном, не терпящим возражений:

– Значит, так... Всем десять минут на сборы – мы выезжаем в Мексику...

Глава 2

Через двое суток они уже были на месте. Небольшой городок изнывал от чудовищной жары, и если бы не Мексиканский залив, непонятно, как, вообще, здесь могла существовать жизнь. Они остановились в небольшом скромном отеле, единственной роскошью которого было наличие старенького кондиционера. Водитель сразу же, на глаз, определил финансовые возможности туристов и привез их в эту богом забытую гостиницу.

Мексиканец на ресепшне, больше похожий на какого-то местного бандита, изучил взглядом приезжих и, наконец, выдал свое решение: «Десять баксов в сутки и двадцать задаток или можете проваливать в свою дерьмовую Америку...» Американцев здесь, судя по всему, не очень-то любили.

Тинки попыталась было немного поторговаться со служащим, но тот демонстративно отвернулся и, задрав ноги на стол, сдвинул широкую шляпу себе на глаза, всем своим видом показывая, что они его больше не интересуют. РоМу сразу же не понравилось отношение персонала к своей работе, и он сделал шаг в сторону хозяина, но тот, не открывая глаз, отодвинул полу своей легкой куртки и продемонстрировал всем присутствующим рукоятку револьвера сорок пятого калибра. На этом разговор и был закончен. Свит отсчитал нужную сумму и положил ее на стол:

– Мы здесь на неделю...

– Живите...

– Нам бы сдачу с нашей сотки...

– Потом получите, у меня нет мелочи...

– Понятно...

Всем было ясно, что никакой сдачи они никогда не получат и спокойно могут идти в свой номер. Комнаты оказались неубранными и даже слегка грязноватыми. Пыль толстым слоем лежала на всем, кроме кровати. Судя по всему, этот номер сдавался именно для использования кровати. Тинки провела пальцем по подоконнику, демонстрируя всем грязь:

– Может, другой номер возьмем?

– Думаешь, он будет лучше?

– Ну, тогда можно заменить отель...

Блок стоял у окна и рассматривал открывающийся вид:

– Нет... Мы остаемся здесь... Номер как раз подходит для нас: окна выходят на три разные улицы, плюс к этому, веранда ведет на крыши, можно в любое время незаметно покинуть отель – лучше не придумашь...

– Только вид из окна не очень-то привлекательный...

– А вы сюда не на экскурсии приехали...

– Это да... Значит, будем располагаться...

Блок кинул спортивную сумку на середину большой комнаты и с ходу начал отдавать распоряжения:

– Тинки, ты отвечаешь за уборку и приведение в над-

лежащий вид жилья. Свит, ты идешь за продуктами и водой. РоМ, тебе нужно произвести обследование местности на случай, если нам придется быстро покинуть этот гостеприимный отельчик. А я займусь выяснением общей обстановки в городе. И, главное, слушайте людей, кто и о чем разговаривает, что обсуждают, кого хвалят и кого ругают – нам нужно собрать как можно больше информации о здешних местах. Завтра с утра выдвигаемся на место, откуда был отправлен звонок...

Через минуту в комнате осталась одна Тинки. Она огляделась по сторонам, раздумывая, с чего бы начать, и, наконец, закатав рукава, стала выгребать из углов хлопья скопившейся пыли. Через два часа комнату было просто не узнать – даже окна теперь блестели своей чистотой и доказывали всем, что они тоже когда-то были новыми и сверкающими.

Вскоре появился Свит: он нес в обеих руках большие бумажные пакеты со всевозможными продуктами и фруктами. Пятилитровая бутылка с питьевой водой болталась у него на поясе, так как обе руки были заняты пакетами. Свит ногой открыл дверь и ввалился в номер со своими покупками. Тут же он выскочил обратно, еле увернувшись от пущенной в него грязной тряпки:

- Обувь снимай... Я вам тут служанка, что ли?
- Откуда я знал, что ты тут полы моешь?
- А догадаться нельзя, прям? Привыкли по колено в грязи жить, а я так не могу...

Тинки еще долго что-то ворчала по поводу того, что она не так воспитана и чистота – это неперемнное условие для ее жизни. Но Свит ее не слушал. Он сидел на веранде, в теничке, и попивал свежесжатый сок. На улице стояла невыносимая жара, а кондиционер в номере совершенно не справлялся со своей задачей. Вскоре к Свиту присоединилась и Тинки. Она также налила себе сока в большой стакан и удобно устроилась в тенечке на легком ветерке. Через какое-то время появился РоМ. Он прекрасно знал Тинки и поэтому разулся еще в коридоре, всем своим видом показывая, что очень ценит ту заботу, которую проявляет Тинки для всех членов группы. Она проследила грозным взглядом, куда тот поставит свои кроссовки, и не проронила ни слова. Это означало, что все в порядке, и он может продолжать движение. Они теперь сидели на веранде и ожидали возвращения Блока.

Время шло, а его все не было. Солнце красиво опускалось в море. На улицах стали появляться местные жители, они неторопливо расхаживали по нагретой солнцем мостовой и, завидев друг друга, непременно останавливались, чтобы перекинуться парой слов. Пара слов постепенно перерастала в дюжину, потом в пару минут, и бывали случаи, что домой они возвращались уже только под утро. Первым не выдержал РоМ:

– Я есть хочу...

– Все хотят...

– Ну, если все хотят, то давайте поедим. Неизвестно еще, сколько Блок будет бродить по городу.

– Подождем еще немного...

– Ну, вы ждите, а я пока стол накрою и порежу там все...

– Ага, тебя только и посылать стол накрывать – половины еды сразу исчезнет. Сиди здесь, чтобы тебя видно было...

– Ну, кусок хлеба я могу отрезать себе? Или это тоже запрещено?

– Кусок хлеба отрежь и всем тогда неси...

– Вот это уже другой разговор... я мигом...

РоМ исчез в номере и ровно через минуту появился на веранде, держа в руках большой поднос, на котором лежали четыре огромных высоченных бутерброда. Тинки гордо посмотрела на всех:

– Ну, что я вам говорила? Его нельзя посылать за едой... – и довольная потянулась за бутербродом.

РоМ хлопнул по ее протянутой руке:

– За глаза говорят только невоспитанные люди. Немедленно извинись...

– РоМ, прости меня, пожалуйста...

– Ладно уж...

– Теперь можно мне взять маленький кусочек хлеба?

– Теперь можно...

Тинки схватила огромный бутерброд и, закрыв глаза от наслаждения, стала уплетать его за обе щеки. Вскоре все было съедено, а Блок так и не возвращался. Свит стоял, об-

локотившись на железные перила:

– Если через час не объявится, то пойдём искать – городок бандитский какой-то, и всего можно здесь... – он не договорил.

Из ванной комнаты послышался очень осторожный шорох, и все сразу же напряглись. РоМ быстро встал за открывающейся дверью, Свит укрылся за шкафом, а Тинки демонстративно уселась посреди комнаты в кресло. Дверь распахнулась, и темная фигура сделала шаг в комнату.

Это был Блок, его сразу же узнали. Он прошел обутый на веранду, и Тинки не посмела сделать ему замечание. Блок первым делом взял свой бутерброд и принялся жевать – его ни о чем не спрашивали, так как прекрасно знали, что сейчас с ним разговаривать бесполезно. Теперь РоМ на законных основаниях стал собирать на стол, а Тинки и Свит ему усердно в этом помогали. Вскоре на веранде они поставили пару подносов, уставленных различной едой, фруктами и напитками. Вдоволь наевшись и напившись, Блок, наконец-то, заговорил:

– Хороший номер взяли – я спокойно по крышам дошел до нашей ванной и в окошко пролез.

– А что через дверь не пошел, как все нормальные люди?

– Не хотел тревожить нашего гостеприимного хозяина...

А теперь давайте выкладывайте, кто и что узнал за сегодняшний день...

Первым взял слово РоМ. Он развалился в плетеном крес-

ле, задрав ноги на перила и сложив на груди руки:

– Городишко небольшой, но очень запутанный. С первого раза и не разберешься, где и что, но принцип построек ясен – все улицы и тропиночки выводят в центр, где стоит церковь. Вокзал один, и автобусы ходят очень редко. Железнодорожная станция находится в соседнем городке, примерно в двух часах езды. Если нужно будет срочно сваливать отсюда, то лучше всего это сделать через море. Там стоят разные лодки и небольшие катера – местные полурыбаки, полубандиты всегда готовы за небольшое вознаграждение кого-нибудь отвезти морским путем. Только вот по их виду не могу гарантировать, что все желающие доплываюот до нужного места...

РоМ еще некоторое время рассказывал о местных достопримечательностях, и затем настала очередь Свита:

– На улицах люди особо с чужаками не разговаривают, поэтому информации минимум. По продуктам, если придется срочно выезжать, – он посмотрел на РоМа, – через море, то все необходимое, воду и продовольствие, можно быстро приобрести прямо на причале, но на всякий случай я закупил все нужное, чтобы не тратить время. Что касается лодок, то их лучше брать не на городской пристани, а чуть дальше от города. Там живут рыбацкие семьи, которые мало общаются с местными горожанами, и, соответственно, можно незаметно покинуть город...

Блок достал из кармана бумажную карту местности и по-

дошел к столу:

– Ну, у меня тоже есть немного информации... Судя по данным, которые нам предоставила Тинки, в окрестностях этого городишка находятся семь деревушек и пара городков. План такой: мы объезжаем все эти населенные пункты и стараемся как можно сильнее засветиться. Человек, которого мы разыскиваем, сам нас узнает и постарается с нами связаться, а нам останется только ждать, правда, пока неизвестно, чего... С утра подъедет такси, и начнем наше путешествие по местным туристическим местам. Еле сумел найти проводника – все боятся из города выезжать, говорят, места беспокойные, люди пропадают частенько... Вопросы или предложения есть у кого?

Все молчали...

– Тогда всем отдыхать и набираться сил, работы предстоит очень много, тем более что придется целые дни проводить в этой жаре – у меня уже мозги начинают плавиться от нее.

Блок прошел в душ и через пять минут уже крепко спал – ему как командиру выделили самую большую и широкую кровать... Остальные еще немного задержались на веранде. Тинки смотрела на вечерний город и размышляла вслух:

– Интересно, кого мы найдем?

– Ну, уж ясно, что не Лау...

– Если не Лау, то кто это может быть?

– Может, проверка какая, может, еще что-то, но рассчитывать, что мы увидим нашу Лау, не стоит.

– Вот и я так думаю. Скорее всего, подстава какая-то, поэтому нужно быть очень осторожными.

– Тебе-то что волноваться? Ты из Мексики прямиком в наш Город отправишься, и нам одним придется потом это все расхлебывать.

– Глупые вы... Не понимаете ничего...

– Ага, ты у нас умная и много понимаешь, как мы смотрим...

Тинки надула губы и, демонстративно встав, отправилась в свою небольшую комнатку. Она плотно закрыла за собой дверь и пролежала полночи, глядя в потолок.

Глава 3

Рано утром, когда солнце еще только начинало свое восхождение на безоблачный горизонт, вся команда уже была на ногах. РоМ готовил завтрак, Блок медитировал на веранде, а Свит стоял около двери, за которой вот уже двадцать минут Тинки принимала душ. Свит несколько раз безуспешно стучался и торопил ее, но в ответ слышал всегда одно и то же:

– Я предупреждала, чтобы за мной не занимали...

– Да я быстро, только ополоснусь – и все...

– Нечего... Жди теперь, стой и, вообще, не мешай мне, а то только и можешь, что отрывать меня от важных дел. В этой жаре осталось одно наслаждение – прохладный душ...

Когда Блок освободился, то все, кроме Свита, уже сидели за столом. Он обвел всех взглядом:

– А где Свит?

– А он в душе все время сидит. Прямо, не выгнать оттуда, никого не пускает. Чтобы в ванную попасть, нужно очередь еще с вечера занимать, – не моргнув глазом, отреагировала Тинки.

Блок встал из-за стола, подошел к двери и сильно постучал в фанерную перегородку:

– Тебя долго ждать?

– Да я только зашел, еще минуты не прошло.

– Короче, выходи уже.

– Да иду, иду...

Через десять минут они вышли на залитую солнцем небольшую площадь перед отелем. Таксист на старом потрепанном джипе уже поджидал своих заказчиков. Он услужливо распахнул перед ними дверцы выдавшего виды автомобиля и закинул рюкзаки в кузов:

– Ну, куда сначала поедем?

Блок развернул местную карту и ткнул пальцем в точки, обведенные черным фломастером:

– Сначала сюда, посмотрим, сколько это займет времени, и, если успеем, проскочим еще по этим адресам.

– Успеем, если вы не очень долго будете в этих местах. Но мы можем в случае чего и заночевать там. У меня родственники в этих местах живут, так что не пропадем... Оплата, как договорились: половина сейчас, половина после возвращения?

– Да, посчитай, на сколько, примерно, тянет это путешествие...

Водитель мигом прикинул в уме все свои затраты и вознаграждения, умножил это на два и озвучил цифру. Блок, не раздумывая, вытащил из кармана деньги и протянул всю названную сумму шоферу:

– По возвращении получишь еще столько же...

– Ого, да за такие деньги мы еще можем на Пирамиды заехать, если хотите...

– Ну, может, чуть позже, а пока давай по адресам...

Машина летела по дорогам, известным только одному водителю. Иногда это было асфальтированное шоссе, иногда просто утоптанная земля, а местами лесная дорожка. Машину перемененно окружали то безлюдные пустыни, то еле проходимые леса или поля, засаженные неизвестными растениями. Водитель был немногословен и большую часть пути молчал. Он очень внимательно всматривался вдаль и несколько раз останавливался, чтобы получше разглядеть следы на земле.

Пару раз он сворачивал с дороги, и они пережидали, пока мимо них проедет колонна из нескольких машин. Как потом объяснил водитель, это были местные жители, которые контролируют местную территорию от посягательств чужаков из других районов. В бинокль прекрасно было видно, что люди в машинах были очень серьезно вооружены, и грозный вид «контролеров» говорил о том, что эти ребята шутить не любят и от них лучше всего держаться подальше.

К вечеру они подъехали к первой деревне, обозначенной на карте. Водитель остановился на главной улице, и команда вышла на свежий воздух. Солнце палило уже не так жарко, и легкий ветерок давал надежду, что вскоре духота уйдет и ее заменит ночная прохлада. Блок разминал затекшие ноги и одновременно осматривал местность. Поселение было небольшим: пара улиц и несколько стоящих вдали отдельных больших домов за высоченными заборами. Около таких до-

мов можно было заметить скопление автомобилей и нескольких охранников у ворот.

Как только они заехали на территорию деревни, на них тут же обратили внимание. Детвора окружила чужую машину и принялась сразу же канючить деньги. Водитель собрался было отогнать надоедливых попрошаек, однако его остановил РоМ. Он подошел к самому орущему ребенку и протянул ему десять долларов:

– Мальчик, иди сюда... Да не бойся, возьми деньги... А еще нужно? Вот, возьми... Еще? Ну, просто так я тебе уже больше не дам. Давай так с тобой поступим... Ты петь умеешь?

Ребенок держал в руках две бумажки по десять долларов и был готов не только спеть, но и станцевать, и все, что угодно, лишь бы заработать еще:

– Умею...

– Спой мне свою любимую песню...

Мальчонка, не задумываясь, завопил изо всех сил. По его мнению, он пел, и через пару минут получил свои честно заработанные деньги. Затем очередь дошла до следующего. В течение часа РоМ прослушал довольно большую группу детей. Весть о том, что приезжие америкосы раздают всем деньги за то, что те поют, мигом облетела всю деревню. Посмотреть на чужаков теперь уже пришли и взрослые. Они стояли вдали от орущих детей и тихонько посмеивались. Наконец, от кучки местных жителей отделилась фигурка. Это

был старичок очень преклонного возраста. Он подошел к РоМу и заговорил с ним:

– Песни собираете народные?

– Да, только пока ничего серьезного не нашли.

– Да вы не тех слушаете, – старик прикрикнул на детей, и те мигом исчезли из поля видимости. – Вы послушайте, как на праздниках у нас поют...

– Где же мы сейчас праздники найдем-то?

– Это да... Ну, за такие деньги вам и без праздников споют...

Он махнул рукой, и к нему подошли две женщины. Они о чем-то поговорили между собой, и вскоре одна из них затянула какую-то длинную песню. Тут же появилась гитара, и вскоре уже целый хор чуть ли не с плясом принялся распевать местные куплеты. Когда они закончили, РоМ раздал каждому по двадцатке, и теперь местных уже было не остановить. Пару часов подряд они радовали приезжих своими талантами и попутно набивали карманы зелеными денежными знаками. Они откровенно считали РоМа с друзьями дурачками, и их главной задачей было как можно больше выжать из этих недотеп.

Через пару часов РоМ записал на диктофон все, что ему было нужно, и, поблагодарив гостеприимных жителей, команда отправилась дальше. Из деревни они выехали, когда на улице уже стояла кромешная тьма. Водитель не рискнул включать фары на ночной дороге, и теперь они ехали

очень медленно по проселкам. Водителю пришлось высунуться по пояс из машины, чтобы тщательнее всматриваться в неровности земляной колеи. Как и в прошлый раз, им приходилось съезжать с дороги и укрываться от проносившихся в ночи отрядов «контролеров».

До следующей деревни они добрались уже под утро. Порядком усталые и измученные ночной дорогой, они остановились у старой церквушки, которая обозначала центр этого поселения.

Сначала их встретила детвора, и все началось сначала. Дети пели песни, а РоМ платил деньги. Затем появились взрослые, и пару часов горланили все, что придет на ум. Через несколько часов вся улица уже была забита людьми. Всем было интересно посмотреть на чудаков, которые разбрасывались деньгами направо и налево. Несколько молодых мужчин стояли немного вдали ото всех и хмуро посматривали на чужаков. Водитель подошел к Свиту и чуть слышно проговорил:

– Не нравится мне эта деревня, нужно побыстрее уезжать отсюда.

– А что не так?

– Вот, смотри. Видишь, стоят, глаз с нас не сводят? Я готов поклясться, что как только мы выедем за территорию деревни, за нами тут же отправятся эти друзья. Еще бы... Вы столько денег уже раздали, что вся деревня гудит от счастья. Слишком много шума производите. Здесь так не принято –

чужаки должны себя вести тихо и незаметно. Боюсь, нас теперь ждут большие проблемы. Если бы я заранее знал, что вы повезете кучу денег и будете разбрасываться ими, то ни за что бы не поехал. Здесь долго не разговаривают – всем головы поотрубают и закопают в пустыне. Эх, попал я с вами в переделку...

– Ладно, не переживай, все будет нормально... Мы компенсируем все твои издержки и моральный вред.

– И кому, интересно, вы компенсируете, если мы вместе будем лежать в яме с отрубленными головами? Нет, зря я связался в это дело... Да деньги очень нужны были...

Пока Свит разговаривал с водителем, от группы хмурых местных жителей отделились двое. Они вразвалочку подошли к машине, и один из них пнул ногой по колесу старого джипа:

– Слышь, гринго?

Блок выглянул из машины:

– Ну?

– А чего ты нукаешь? С тобой люди хотят поговорить, а ты нукаешь. У себя в Америке будешь нукать...

Блок опустил стекло в машине посильнее:

– Хотите поговорить – так говорите...

– Короче, это... убирайтесь отсюда. Нечего здесь цирк устраивать. Здесь живут уважаемые люди, а вас сюда не звали...

– И кто это решил?

– А если и я? Тебе-то какая разница?

– Просто спросил...

– Ну, вот ты просто спросил – я тебе просто и ответил.

Чтобы через две минуты вас здесь никого не было... Ты понял?

– Понял...

Глава 4

Блок подал знак рукой, и РоМ через пять секунд уже был в машине. Водитель завел двигатель, и они стали осторожно пробираться сквозь мельтешащих перед капотом людей. Как они и обещали, через две минуты джип уже на большой скорости вылетал с территории деревни. Тинки сидела на самом заднем сиденье и была крайне недовольна последними событиями:

– Не очень-то гостеприимные люди здесь живут...

– Они гостеприимные только к гостям, которых сами приглашают, – попытался защитить своих соотечественников водитель. – А вы – чужаки и не знаете наших правил. К тому же вы не понравились местным авторитетам, а это означает, что теперь нужно быть очень осторожными. А вам в каждой деревне нужно будет себя так вести?

– Да, в каждой...

– Ну, добром это не кончится... Теперь за наши жизни я не дам и одного сентаво...

Некоторое время они ехали молча. Наконец, Свит указал рукой на небольшой лесок на берегу реки:

– Туда сверни, отдохнем немного и перекусим...

Водитель свернул с проселочной дороги и направил машину в указанном направлении. Они выехали на берег и остановились в тени огромных деревьев. Здесь было не так

жарко и довольно спокойно. Тишину изредка нарушало пение птиц и стрекот насекомых. Свит сразу же принялся организовывать поздний завтрак, а РоМ и Блок отправились осматривать местность. Они появились, примерно, через час, оба хмурые и неразговорчивые. Тинки сразу же заметила изменения в настроении разведчиков. Она подошла к Блоку, который мыл руки в реке, и чуть слышно спросила:

– Что там случилось?

– У нас гости...

– Много?

– Три машины.

– Далеко?

– Сейчас они уже впереди, но нам с ними в любом случае придется встретиться.

– Дождемся ночи?

– Да...

– Ну, тогда хоть выспимся перед дорогой... Как говорится, нет худа без добра...

– Водителя только не пугайте раньше времени, а то сбежит еще ненароком.

После сытного завтрака, плавно перешедшего в обед, все развалились под тенью огромных деревьев. Жара пропитывала насквозь эти старые леса, и спасало от нее только наличие небольшой речки. Дежурили все по очереди, и как только полуденный зной стал постепенно сдавать свои позиции,

Блок дал команду на сборы.

В небольшой деревушке все прошло под точную копируку, как и в остальных. Они раздали кучу денег, собрали вокруг себя всех жителей, получили пару угроз в свой адрес и благополучно покинули это селение.

Когда выезжали из деревни, ночь уже была в самом разгаре. Яркие звезды светили так, будто это были не небесные тела, а настоящие электрические фонари. Дорога просматривалась очень хорошо на большое расстояние.

Примерно через час их ночного пути они заметили сзади несколько машин. Водитель тут же съехал с дороги и остановил джип за большим поваленным деревом. Он погасил все огни и буквально вжался в сидение, наклонив голову к самому рулю. Блок вышел из машины и, взобравшись на лежащее дерево, стал всматриваться вдаль. Он понимал, что преследователи искали именно их. Они ехали очень медленно и все время рассматривали следы, оставленные джипом. Несколько раз они останавливались и, выйдя из машины, громко о чем-то спорили. Затем снова продолжали свой путь. В руках преследователей можно было заметить автоматы и огромные мачете.

РоМ еле слышно подошел к своему командиру:

– Все равно они нас найдут, может, лучше сразу ликвидировать угрозу?

– Хотел без крови обойтись, но, видимо, не получится... Значит, так... Бери Тинки и выдвигайтесь к «гостям» – зай-

дете слева, а мы со Свитом будем на другой стороне. Водителю скажи, чтобы здесь нас ждал, а еще лучше – ложился отдыхать. Все равно теперь только утром дальше двинемся.

– Я понял...

РоМ бесшумно растворился в ночи, и вслед за ним от машины, словно тень, отделилась и Тинки. Они сразу же слились с мексиканской темнотой, и Блок потерял их из виду. Свит уже стоял рядом и ждал команды на выдвижение. Блок еще раз осмотрелся по сторонам и еле кивнул, давая понять, что операция началась.

Они уже около часа следовали по бокам колонны автомобилей, а удачный случай для нападения никак не подворачивался. Машины ехали на малой скорости и долгое время не останавливались. Луна как назло светила так, что нужно было прилагать массу дополнительных усилий для того, чтобы быть незаметными для посторонних. Наконец удача подарила ослепительную улыбку и им.

Как под заказ, самая последняя машина остановилась у небольшого обрыва, и три человека вышли покурить. Остальные автомобили так же, медленно, продолжили свой путь в надежде, что отставшие их быстро догонят. Стоявшие на обрыве люди не спеша переговаривались:

– Долго еще нам мотаться по этой жаре? Может, они уже спят давно где-нибудь...

– Сколько нужно мотаться, столько и будем... Сам слышал, как «хозяин» разозлился, что по его территории чужа-

ки разъезжают. Если мы их не найдем, то без голов все останемся. Так что лучше эту тему даже не обсуждай.

– А почему сразу в деревню не поехали? Нужно было от туда начинать прочесывать все...

– Там они не появлялись, иначе нам бы сразу же позвонили. Они где-то здесь прячутся...

Сейчас вся команда смотрела на Блока, и, когда тот подал знак «работаем», все облегченно вздохнули – наконец-то, уж слишком долгим было ожидание этого момента. В воздухе сверкнули три яркие падающие звезды – и на обрыве в один момент никого не осталось. Казалось, что люди, еще секунду назад стоящие и громко разговаривающие, вдруг просто одновременно исчезли.

Последний, водитель, заметил эту странность. Он окликнул своих друзей, но в ответ ему было только молчание жаркой пустыни. Тогда он достал пистолет и осторожно вышел из машины. Тщательно вглядываясь, подошел к обрыву и попытался рассмотреть, что там внизу. Но лунный свет не опускался на такую глубину. Выругавшись про себя, мексиканец решил вернуться к машине, чтобы взять мощный фонарь и продолжить выяснять, куда же подевались его товарищи. Он повернулся и хотел уже направиться к оставленному автомобилю, но неожиданно крепкая капроновая нить, накинутая ему на шею, сильно сдавила горло – и через пару секунд он присоединился к своим друзьям, которые в этот момент уже находились на дне обрыва и ждали своего

приятеля.

Пока РоМ и Свит рыли большую яму, чтобы скрыть тела преследователей, Блок и Тинки осматривали трофеи, оставленные в машине. Здесь были два «калашника», один пистолет и три здоровенных мачете. Блок остался доволен набором оружия:

– Ну вот, теперь можно и повоевать...

– Все равно шуметь нельзя, так что все это – просто бесполезные игрушки...

– Тем не менее, теперь ты будешь нас прикрывать этими бесполезными игрушками.

– То есть, вы полезете в рукопашку, а я буду сидеть и спокойно наблюдать?

– Не просто наблюдать, а прикрывать нас – я же сказал тебе. Вот с тобой случится что, и как нам быть? В наш Город потом не пустят никого без тебя – воевода твой нам головы всем пооткручивает...

– Вот я так и знала, что не нужно было вам все рассказывать, а теперь вы меня попрекаете всегда. Ну, ладно, РоМ и Свит, а вот от тебя-то я никак не ожидала такого услышать...

– Ой, какие мы грозные и злые... Сама виновата, тебя за язык никто не тянул – сама сболтнула, теперь сама и расхлебывай, и объясняйся со всеми.

– Объяснюсь, не переживай...

– Вот и объяснись...

– Вот и объяснюсь...

– Объяснись...

Это препирательство продолжалось бы до бесконечности, если бы к машине не вернулись землекопы:

– Все чисто. Теперь даже с собаками не найдут...

– Хорошо. Теперь отгоним машину чуть подальше и сбросим вниз – пускай сами потом головы ломают, что здесь произошло.

РоМ подмигнул Свиту:

– Может, Тинки отправим обратно в лагерь? Сами понимаете, дело серьезное, опасное, я бы даже сказал. Мало ли что...

Тинки тут же вся оцетинилась своими защитными колючками:

– Вот, еще один... Я же говорила, что вы все теперь против меня стали.

Свит постарался придать своему тону совершенно спокойный оттенок:

– Ну, ты же должна понять, что мы за тебя теперь все в ответе. Можно сказать, что ты теперь у нас в группе – гость, а гостям всегда самое лучшее отдают. Вот мы тебе и хотим предложить не мотаться с нами по ночным пустыням, а спокойно подождать нас в лагере.

– Сами в лагере ждите, а в этой группе я никогда гостем не была и не буду, и, вообще, больше со мной не разговаривайте. С этой минуты у нас только рабочее общение и ника-

ких личных дружеских взаимоотношений.

Она демонстративно повернулась к Блоку:

– Товарищ командир, разрешите вместе со всеми принять участие в операции?

Это прозвучало так неожиданно и торжественно, что все буквально попадали на землю от смеха. Только одна Тинки стояла серьезная и злая. Она все еще ждала ответа на поставленный вопрос. Когда все, наконец-то, просмеялись, Блок подошел к Тинки:

– Я бы с большим удовольствием отправил тебя обратно в лагерь, но не могу этого сделать только потому, что у меня нет возможности дать тебе сопровождение – сейчас каждый боец у нас на счету, а одну тебя отпустить я ну никак не могу... Поэтому приказываю: товарищ Тинки, вы назначаетесь нашим боевым прикрытием. Приказываю обеспечить группе постоянную и надежную защиту тылов от нападения врагов. Немедленно приступить к заданию и исполнять его вплоть до моего особого распоряжения. Вам все ясно, товарищ боец?

– Все ясно...

– Вот и выполняйте.

Тинки отвернулась от командира и направилась к машине. Там она взяла один из автоматов, проверила его готовность и забросила себе за спину. Она ни с кем больше не разговаривала, и все обсуждения последующих действий теперь проходили без нее.

Первые две машины отошли уже довольно-таки далеко, и теперь нужно было их догонять. РоМ перегнал трофейный джип метров на сто дальше этой остановки и сбросил его с обрыва. Команда, как и в первый раз, растворилась в ночи и, тщательно маскируясь, стала настигать уехавших вперед мексиканцев. Группа Блока теперь сама превратилась в грозных преследователей, и шансов на то, чтобы победить в этой борьбе, у местных бандитов теперь не осталось...

Глава 5

Через пять дней они, грязные и сильно уставшие, возвращались в город. Последние сутки, проведенные в машине, они почти не разговаривали, и когда, наконец, показался отель, в котором у них были оставлены вещи, все несказанно обрадовались. Это путешествие по жаркой Мексике оказалось более тяжелым, чем предполагалось изначально. Постоянные стычки с местными бандами, изнурительная жара и отсутствие полноценного питания сделали свое дело. Все были измучены, и главным желанием было, наконец-то, помыться и вдоволь выспаться.

Хозяин отеля даже не заметил отсутствия своих гостей. Он сидел на своем обычном месте и громко храпел. Рядом на весь холл орал включенный телевизор. Судя по крикам, доносившимся с экрана, шел очередной тайм местного футбола. Блок протянулся через стойку на ресепшне и взял ключи от номера. Хозяин даже не шелохнулся. Казалось, что его совершенно невозможно было ничем разбудить; все его поведение говорило о том, что ничего за время отсутствия команды здесь не изменилось.

Открыв дверь, Блок сделал шаг в номер и неожиданно резко остановился. Его странное поведение тут же заметили остальные. РоМ моментально скинул с плеча рюкзак и в одно мгновение исчез из коридора. Свит прижался к стене спиной

и показал Тинки, чтобы она следовала его примеру. Прошло пять секунд, а Блок по-прежнему неподвижно стоял в проходе и не делал никаких движений или знаков. Наконец он осторожно кашлянул, и это послужило сигналом для остальных. Свит быстро заглянул в комнату, но совершенно ничего не заметил, поэтому ему пришлось заглянуть еще раз уже на более долгое время.

В комнате, казалось, все было точно так же, как и в то утро, когда они покидали этот отель, но небольшие детали все же выдавали присутствие посторонних. Шторы были закрыты и создавали такую тень, что вся комната была пронизана солнечным светом, кроме одного дальнего угла. Этот угол был совершенно темным, и легкое плетеное кресло было передвинуто именно туда. Кондиционер был включен на полную мощность, и в комнате было чересчур прохладно. На небольшом туалетном столике лежали кучки оберток от конфет и остатки бананов.

Блок закрыл за собой дверь, и Тинки осталась одна. Теперь она контролировала небольшой коридор и лестницу, ведущую на второй этаж. Свит осторожно осмотрел ванную и остальные комнаты. Все было в порядке, но все чувствовали, что что-то не так, и все эти еле заметные изменения должны были нести какую-то смысловую нагрузку. На кресло в темном углу было наброшено легкое одеяло, оно топорщилось, и было件нятно, что кто-то просто швырнул его туда, очевидно, что-то разыскивая в кроватях.

Неожиданно одеяло зашевелилось, и из-под него вылезла маленькая голова с двумя торчащими вверх косичками. Свит тут же укрылся за стеной шкафа, а Блок сделал шаг в соседнюю комнату и замер. Шевеление в кресле сразу же прекратилось, и послышался еле слышный голос:

– Блок, это вы?

Блок еще раз заглянул в комнату с говорящей головой и, не заметив никаких угроз для себя, вышел на середину. Прежде чем ответить, он внимательно осмотрел комнату и осторожно подошел к торчащим косичкам:

– Ты кто, милый ребенок?

«Милый ребенок» сидел в кресле в огромных солнцезащитных очках и молчал. Неожиданно со стороны балкона промелькнула еле заметная тень, и Блок, отпрянув в сторону, встал так, чтобы ему было видно все, что происходит в комнате, однако сам он теперь оставался не видимым для всех. Он поднял руку на уровне глаз и уже приготовился нанести удар, когда Свит мягким движением остановил его. Свит показал глазами, что все в порядке, и в этот момент в комнату через балкон, как привидение, прокрался РоМ. Он уже оглядел с улицы весь отель и осторожно поднялся по стене в номер. Одновременно с ним появилась и Тинки. Она юркнула в приоткрытую дверь и теперь тщетно пыталась понять, что же здесь происходит. РоМ всем кивнул, что все чисто, и теперь с удивлением смотрел на маленькую девочку в крес-

ле.

Блок снова подошел к девчужке и, приблизив свое лицо почти вплотную к лицу ребенка, повторил свой вопрос:

– Итак, я еще раз спрашиваю: ты кто?

Девочка опять ничего не ответила и, когда напряжение достигло своего апогея, просто очень медленно подняла очки, приоткрыв глаза.

Блок заглянул в них и отшатнулся... Он буквально отпрыгнул от ребенка и теперь стоял, словно сам не свой, а девочка опять опустила огромные очки себе на глаза.

Свит заметил изменения в состоянии своего командира и сделал шаг поближе:

– Что там?

– Сам посмотри...

Было непонятно, что могло напугать такого человека, как Блок, и Свит смело подошел к девочке и заглянул ей в глаза. Она так же медленно подняла очки, и Свит из темнокожего в один миг стал цвета кофе с молоком. Он так же отшатнулся от нее и, сделав несколько шагов назад, прошептал:

– Этого не может быть... Вы слышите...? Не может быть...

– Да что там такого-то? – Тинки уверенно подошла к девочке и быстрым движением сорвала с нее очки и тут же замерла в оцепенении.

То, что она увидела, не могло уложиться в голове нормального человека. На нее смотрели черные глаза Лау. Она

смогла бы узнать их из миллиона других глаз, и ошибки тут быть не могло...

Прошло уже около двух часов, а Блок все стоял на балконе и молчал. Рядом с ним была вся его команда, но помощи от нее ждать не приходилось. Все были удивлены и растеряны. Существо с глазами Лау сидело на диване и поедало сладости из запасов Тинки, в то время как сама хозяйка пребывала в некотором замешательстве от последних событий. Нужно было что-то решать, и через некоторое время Блок произнес:

– Ну, и что вы думаете по этому поводу?

– Ничего...

– Вы считаете, что это она?

– Вряд ли, но глаза ее...

– Может, проверить как-нибудь ее?

– Обязательно проверим, я говорю, что делать-то будем теперь?

– А что делать... В любом случае нужно пообщаться сначала, а уж потом принимать какие-то решения. Она ведь нас сумела найти и выдернуть с другого края Земли, значит, владеет кое-какой информацией.

– А откуда она может владеть этой информацией?

– Вот и узнаем.

– Вы идите спрашивайте, а я пока здесь постою... – Свит все еще очень опасался этой незваной гостьи и с тревогой поглядывал в ее сторону.

Казалось, только РоМ был спокоен и равнодушен, поэтому все одновременно посмотрели на него. Он без слов понял, что назначается дежурным по общению с ребенком и, тяжело вздохнув, громко крикнул:

– Эй, шмакодявка! Хватит конфеты лопать, иди сюда – разговор есть...

Ребенок в один миг оказался на веранде, как будто только и ждал приглашения. Все расселись в креслах, и РоМ начал беседу:

– Ты как нас нашла-то?

– Ты что, меня совсем за дурочку держишь? Я вам по скайпу когда звонила, помнишь?

– Помню...

– Ну вот, самолеты прилетают два раза в неделю... По интернету легко отследить четыре билета, следующих по всему миру в одном направлении, а именно в этот город, так как он самый крупный здесь. А так как вы светиться не должны, то осталось только у местных таксистов выяснить, куда они подвозили богатых туристов, а для этого достаточно одного дня. Я откинула все дорогие отели и оставила только такие убогие отельчики, как этот... в которых даже еды нормальной в холодильнике нет. Я, между прочим, нормально не ела уже несколько дней. Может, сначала поедим, а потом уже поговорим?

– Успеешь еще... Так как тебя, говоришь, зовут?

– Лау...

– А где ты была все это время?

– Если я начну рассказывать, где была все это время, то, во-первых, не хватит и жизни, чтобы все рассказать в подробностях, а во-вторых, вы все равно ничего не поймете, потому что вы – европейцы, а у азиатов свои прибабасы...

– Хорошо... А когда мы последний раз виделись?

– С тобой или вообще?

– Ну, можно вообще...

– Если вообще, то последний раз вы меня видели в Горьком, в сорок третьем. Блок и Свит приезжали ко мне в госпиталь. А я вас потом еще несколько раз видела, но это уже совершенно другая история и к моей земной жизни она не имеет никакого отношения...

В разговор неожиданно встрял Свит:

– Короче, у меня только один вопрос, ответ на который знали только мы с Лау... Ты помнишь Капуи?

– Конечно, помню... Это и был твой вопрос? Тут несложно и обмануть...

– Да нет... Там тебя медведь поранил... Помнишь?

– Помню, только там не медведь был, а настоящий медвежище. Ты зашивал меня еще...

– Вот про это я и хочу спросить. Ты сильно переживала тогда, что швы останутся. А помнишь длину самого глубокого шва?

– Там их три было. Ты про верхний или который в середине?

– Верхний...

– Восемь сантиметров...

Свит снова вскочил со своего места и нервно зашагал по веранде:

– Никто, кроме нас с Лау, этого не знал и не мог знать... Я вообще не понимаю, что здесь происходит. Ты что, действительно наша Лау? Но как это может быть? Реинкарнация?

– Да. Вы же сами прошли весь ритуал и дали мне шанс выбрать свой путь. Так как просветления я так и не смогла достичь, то решила его пройти еще раз, и теперь я уже начну не с начала, а с того момента, когда закончила свою прошлую земную жизнь в тюремном госпитале. У меня поменялось только тело, а душа и память остались прежними... Ну, это же так просто – что тут непонятного-то? А теперь, может, мы все-таки поедим? Не забывайте, что я маленький ребенок и мне нужно соблюдать режим дня...

Через двое суток вся команда была собрана на внеочередное совещание. Новая Лау сидела с большим мешком конфет, все лицо ее было перемазано шоколадом. Тинки попыталась предварительно ее умыть, но усилия были тщетны. Девчушка изворачивалась так, что запросто могла бы получить золотую медаль на олимпиаде по фигурной гимнастике, и Тинки пришлось бросить эту затею. Все удобно расположились на диванах и приготовились выслушать своего боевого командира. Тот закрыл шторы от посторонних глаз и начал говорить:

– Короче, мы здесь с вами засиделись уже, и, как я посмотрю, никто даже палец о палец не ударил – вам бы все на солнышке загорать да купаться...

– А что, здесь хорошо, и хозяин не такой уж и противный – совсем не придирается в последнее время...

– Уезжать пора, вот я про что... Все равно мы здесь сильно наследили, и со временем местные поймут, куда делись их бойцы, и выйдут на нас.

– Когда едем?

– Как только сделаем документы ребенку.

– Мы же, вроде, купили ему документы какие-то...

– Вот именно, что какие-то... Вы их видели? Там курица и та лучше бы смогла сделать. Отдали столько денег, а нам подсунули голимую подделку.

– Ну, мы и сами смогли бы сделать, но у нас ведь нет аппаратуры с собой нужной... Если вы дадите мне неделю, то я успею смотаться в Европу и сделать нормальные документы. Сутки туда, сутки обратно и там двое-трое суток – как раз и выходит четыре-пять... – Тинки в уме прикидывала разные варианты.

– У нас нет столько времени, короче, у нас еще два дня, и через двое суток нас здесь уже не должно быть... За это время нужно успеть сделать еще один комплект документов...

Лау все это время сидела молча с набитым ртом, и когда Блок закончил говорить, она попыталась проглотить огром-

ный кусок жареного банана. Когда у нее это, наконец-то, с большим трудом получилось, то все услышали громкий писк:

– Я считаю, что нам нужно немедленно убираться отсюда, тем более что я видела эти документы, и говорю, что с ними можно пройти таможенников...

– И как ты себе это представляешь?

– А вот так... – Лау в подробностях и красках стала рассказывать свое видение прохождения таможенного контроля.

Немного посоветовавшись, команда решила, что, возможно, этот вариант и прокатит, если все в точности будут выполнять распределенные роли...

Глава 6

Аэропорт в Мехико был забит людьми до отказа. Здесь всегда было многолюдно и очень оживленно. Бесконечный поток из тысяч людей с сумками, чемоданами, тележками и детьми спешили на свои регистрации и посадки. Длинные изматывающие очереди и постоянный несмолкаемый гул дополняли эту дорожную атмосферу.

Молодая семья, состоящая из папы, мамы и ребенка, стояла, как и все, в ужасной духоте. Это были обычные туристы, которые, уже не стесняясь, проклинали все достопримечательности этой гостеприимной страны и главной мечтой которых было поскорее сесть в прохладный самолет и забыть о тех неудобствах, которые их преследовали на протяжении десяти дней бесконечных и выматывающих экскурсий. Они стояли в тесной очереди уже больше двух часов, и терпению родителей постепенно приходил конец. Сначала папаша упустил свою очередь, и теперь, чтобы встать на свое место, ему пришлось устроить целый скандал. Затем мамаша потеряла ребенка, который только что еще был здесь, а уже через секунду – в другом конце аэропорта. И наконец, самое страшное – это сам ребенок. Это избалованное чудовище, казалось, уже узнала вся очередь. Сначала его искали с полицией, когда оно побежало за котенком. Затем ему срочно понадобилось в туалет, и через минуту об этом знал уже весь

аэропорт. Потом ему стало жарко, и оно отправило отца искать воду обязательно в зеленой бутылочке «как у того мальчика»... Когда, наконец, отец, не выдержав эту муку, просто отшлепал его, то отцу аплодировала вся очередь. Даже строгие финны, помешанные на правах детей и ювенальной полиции, и те были несказанно рады, что справедливость, наконец-то, восторжествовала. Ребенок сначала громко разревелся, а затем на какое-то время замолчал. Это были самые счастливые минуты в жизни окружающих людей. Но счастье длилось недолго. Размазывая пыль и слезы по лицу, ребенок, а это, как оказалось, была девочка, громко завопил:

– Я устааалааа. У меня болят нооогиии... Дайте мнеее попиить... Я хочу конфетууу...

Молодая мама пыталась хоть как-то успокоить ребенка:

– Ну, маленькая моя, потерпи немного. Мы уже совсем скоро сядем в большой самолет и полетим домой. Хочешь домой?

– Хочууу... А дома ты мне купишь собаку?

– У тебя же есть котенок, зачем тебе еще собака?

– Хочууу собаку... Хочууу собаку... Купиии, ну, купи-ии....

– Будет тебе собака, только не кричи так. На нас же люди смотрят, а ты так некрасиво себя ведешь.

– Купи мне медведя...

– Какого еще медведя?

– В магазине, вон там... белый медведь...

– Ну, солнышко, мы же не можем уйти из очереди, а как прилетим, то папа тебе сразу же купит медведя...

– Нет, сейчааас купиии... Хочу медвееедяя...

Девочка затопала ногами и стала в истерике размахивать руками. Папа уже был не в силах на все это смотреть. Он выбрался из огромного скопления народа и направился в магазин за медведем. Стоит сказать, что медведь по размерам был немногим меньше самого ребенка, и когда над очередью показался плывущий к девочке огромный зверь, все с облегчением вздохнули, ожидая небольшой передышки от ребенка. Но не тут-то было. Ребенок, схватив медведя, опять завопил на весь аэропорт:

– Это не тоот медвееедь. Тоот быбыл сииниий... а этот белыый... Хочу другооогоооо медвееедяя...

Казалось, что этот кошмар длится целую вечность. Рядом с истеричным ребенком уже находились двое полицейских. Вместо того, чтобы спокойно отсидеть свою рабочую смену в прохладном кабинете, им пришлось срочно выдвигаться на стойку регистрации рейсов и выяснять, откуда исходят истошные нечеловеческие крики. Когда «семейка Адамс», наконец-то, добралась до таможенников, то неожиданно выяснилось, что несносный ребенок в своей истерике измял все билеты и документы. Обреченный папаша вывалил горсть измятой бумаги на стойку, объясняя, что это и есть именно то, что запросили таможенники. Те стояли в некоем недоумении и пытались хоть как-то разобраться с документами,

а орущее перемазанное существо уже вопило у них под самым ухом. Один из таможенников все-таки решил выполнить свой служебный долг до конца и, тяжело вздохнув, вернул пачку мятой и липкой от растаявших шоколадных конфет бумаги несчастному отцу:

– Боюсь, что тут я не смогу вам ничем помочь. Ваши документы испорчены, и вам придется теперь задержаться в стране на неопределенное время.

Глава семьи грустно собрал в обе руки остатки документов и повернулся к очереди:

– Я сейчас быстренько схожу к начальнику таможни и попытаюсь решить это небольшое недоразумение. Я скоро вернусь, мое место не занимайте...

Он сунул документы жене и попытался выбраться из толпы. Ребенок, замолчавший на несколько секунд, вдруг разразился с новой силой. Теперь он уже колотил полицейских по ногам и верещал так, что у всех закладывало уши:

– Хочууу самолееет... Хочууу самолееет...

Папы не было ровно две минуты, но эти минуты были самыми длинными в жизни таможенников. Они никак не могли оторвать ребенка от арки металлоискателя. Никто из них уже не хотел связываться с этими противными туристами и этим препротивнейшим цветком жизни. Таможенники прекрасно понимали, что нормальная рабочая атмосфера полностью зависит от них, и в их власти было, наконец-то, прекратить эти невероятные мучения. А всего-то

и нужно было просто пропустить этих «гринго» и забыть о них, как о каком-то кошмарном сне – пусть таможенники по прилету ломают головы, а уж в Мексике они все равно больше никогда не появятся... Наконец, один из таможенников не выдержал этой пытки:

– Дайте-ка я еще раз посмотрю ваши документы... Так... Ясно... Ага... Угу... Понятно... Да, вроде, нормально все. Здесь только помято немного, а так все в порядке. Проходите, женщина... Не волнуйтесь, вашего мужа мы пропустим... Конечно, здесь не оставим... Само собой... И вам счастливо-го дня... И вы к нам приезжайте... Нет, не забудем вас... Конечно, навестим... Да, я запомнил ваш адрес... Само собой, что предварительно позвоним, перед тем как приехать... Да, я помню – в сентябре у вас бархатный сезон... Четвертый дом от первого переулка налево... Нет, не забуду...

Все радостно вздохнули, когда семья, наконец-то, пересекла таможенную линию, и теперь очередь стала жить своей обычной жизнью. Ровно через минуту ребенок замолчал и в один миг превратился в воспитанную аккуратную девочку, которая все время держалась за руку одного из родителей и смотрела на окружающий ее мир большими восторженными глазами...

Глава 7

Тинки проснулась из-за того, что услышала, как в гостиной упал сначала стул, а за ним на пол полетела посуда, оставленная на столе. Девушка мгновенно соскочила с кровати и через секунду уже лежала за широким диваном, сжимая в руке пистолет. Оглядевшись по сторонам, она определила для себя, что здесь все спокойно и основные действия, судя по всему, происходят в коридоре. Там слышались громкие крики и какая-то странная возня. Тинки подождала еще немного и осторожно выбралась из своего укрытия. Она слегка приоткрыла дверь из спальни и, приставив небольшое зеркало, осмотрела просторный зал. То, что она увидела, сначала сильно рассмешило ее, а потом разозлило. Она широко распахнула двери и с суровым видом подошла к источникам шума. Ну, конечно, это были РоМ и Лау. Они играли в «семью» – с некоторых пор это была самая любимая игра на вилле. РоМ, размахивая над головой широким офицерским ремнем, носился за Лау и пытался отшлепать ее по мягкому месту, а та, радостно визжа на всю округу, носилась от него по всей вилле, опрокидывая все, что стояло у нее на пути. Тинки грозно встала у них на дороге и, чеканя каждое слово, произнесла:

– Вы что это творите-то? А кто потом все это будет убирать?

Она отобрала у РоМа ремень и швырнула его в свою комнату:

– Взрослый мужик, а ведешь себя, как ребенок. У нее уже все ноги в синяках и красных пятнах, а тебе все весело...

РоМ пытался хоть как-то оправдаться:

– Пусть научится со старшими разговаривать, а то еще и не так получит у меня.

– Она уже и так получила больше, чем нужно, – вон вся задница уже красная...

– Ничего не красная, а обычная...

– А я говорю, что красная... – Тинки повернулась к Лау, – ну-ка, покажи задницу, она у тебя красная или нет?

Лау мигом спряталась в ванной, и оттуда донеслось:

– Вот еще чего удумали... Буду я тут задницы показывать. Даже и не думайте, грязные извращенцы...

На следующий день история повторилась, только теперь главными участниками уже были не РоМ, а Свит и Лау. После обеда, когда каждый занимался своими делами, на веранду зашел Свит. Он многозначительно поставил на стол один из своих дорожных чемоданчиков:

– Так, товарищи офицеры, настало время очередных прививок, поэтому подставляйте свои места для инъекций.

Блок и РоМ, не поднимая глаз, закатали рукава на футболках и продолжили просматривать журналы. Время шло, а прививку Свит почему-то все не делал. Наконец, Блок поднял глаза, и его перекосило от смеха. Он толкнул локтем Ро-

Ма, чтобы тот оценил причину его истерики. РоМ перевел взгляд на Свита и тоже повалился на пол не в силах себя сдерживать. Тинки была слишком занята принятием солнечных ванн, чтобы отрываться на какие-то мелочи, а Лау лежала на животе на мягкой кушетке, подперев голову руками, и болтала ногами. Она также почувствовала, что процедура прививок несколько затянулась, и повернула голову в сторону Свита. В один миг она сделала огромные испуганные глаза и с диким визгом бросилась бежать в свое самое надежное и единственное место, где был замок, – в ванную. За ней, еле перебирая ногами от смеха, пытался бежать и Свит. В его руках можно было увидеть огромный в полметра шприц с такой же здоровенной иглой. Он тряс им над головой и всем своим видом показывал, что не отступит от своей идеи сделать укол Лау. Та больше часа провела в ванной, не решаясь выйти из своего укрытия, а Свит весь этот час стоял у дверей и уверял ее, что это просто необходимо и без этого укола он даже на метр не выпустит ее с виллы из-за птичьего гриппа, который разразился где-то в далекой Африке.

Утром Тинки всем заявила, что больше не намерена тратить свои нервы на бестолковых людей, и с чистой совестью отправилась в парикмахерскую. Ее не было чуть больше трех часов. Казалось бы, за это время на вилле ничего не могло измениться, но это было не так. Еще на подходе к высоким воротам она услышала дикие вопли Лау. Было совершенно очевидно, что ее или посадили в духовку, или засунули ей

в штаны куст крапивы, и девушка поскорее поспешила на помощь Лау. То, что увидела Тинки, превзошло все ее самые смелые представления. На этот раз это уже был сам Блок. Он схватил бедную Лау своей огромной ручищей за ногу, вынул руку в окно на втором этаже и тряс перепуганного ребенка так, что тот бултыхался в воздухе, как носовой платок на ветру. Лау при этом верещала от страха и счастья одновременно на всю округу, а Блок грозно цедил сквозь зубы:

– Я из тебя вытрясу всю эту дурь...

Увидев возвращающуюся Тинки, он тут же вернул Лау на место, а когда Тинки в ярости ворвалась в зал, они уже вместе были в кресле и читали какую-то книгу. Лау при этом сидела на коленях у Блока и умиленно слушала очередную сказку про хоббитов... Блок АДА поднял грустные глаза на Тинки и как ни в чем не бывало произнес:

– А, это ты... А мы уже потеряли тебя...

Но не эти постоянные издевательства больше всего доставали Лау. Ее защитницей теперь была Тинки, и вот как раз от нее-то и исходили все тяготы и мучения. Та почему-то решила, что только она одна может защитить ребенка, и теперь большую часть своего времени находилась рядом с Лау. Теперь девочку часами одевали и переодевали в какие-то идиотские платяшки и делали прически, подбирали носочки под цвет бантика на шее и поясок под цвет пуговичек... Все это было так долго и мучительно, что Лау пользовалась любой возможностью, чтобы, оставив свою грозную защитни-

цу в одиночестве, побыстрее сбежать к своим мучителям. Ну, а те уж измывались над ней по полной программе. Теперь любимым занятием на вилле было придумать какой-нибудь новый трюк, чтобы бедное дитя до последнего момента не догадалось, а когда догадалось, то было бы уже слишком поздно.

Последней фишкой вчерашнего дня было послать Лау за мороженым в подвал и закрыть его, выключив при этом свет. Затем туда еще можно было через окошко кидать маленькие камушки, чтобы они шуршали по полу, и при этом спокойно спрашивать Лау, не видела ли она там маленьких пушистых мышек. Сегодня же Лау полдня провела на крыше, так как ее попросили помочь снять маленького котенка, а когда та залезла повыше, то неожиданно сломалась лестница, и весь мужской коллектив в полном составе отправился ее чинить. Сняли Лау с крыши только тогда, когда Тинки вдруг обнаружила, что уже давненько не видела свою подопечную.

На следующий день были запланированы очередные испытания для ребенка. РоМ специально для такого случая заказал из Франции пару маленьких лягушат и теперь раздумывал, как бы занести их в дом незаметно для окружающих и успеть засунуть с утра пораньше в кровать Лау. Одним словом, работы у всех теперь было предостаточно, и время отдыха летело незаметно.

Лау проснулась и сладко потянулась. Как же здорово бы-

ло снова ощущать себя дома вместе с друзьями! Она теперь радовалась каждой минутке, проведенной на вилле, и ее счастьем не было предела.

Лау быстро вскочила и подбежала к окну. Так и есть – все уже сидели в беседке и завтракали. «Опять проспала, соня», – подумала она про себя и уже собралась было выскочить в одной ночнушке к друзьям, но что-то ее остановило уже в дверях. Она замерла, как будто стараясь вспомнить что-то очень и очень важное для себя. «А-а, чуть не забыла. Вот растяпа», – Лау подскочила к своему небольшому столику и осторожно взяла в руки маленькую коробочку, где у нее хранились разные заколки и фантики. Открыв крышку шкатулки, она вытащила на свет двух маленьких удивленных лягушат и тщательно рассмотрела их. «Лягушка остро-мордая» или «Рана арвалис». Относится к семейству Настоящие лягушки, отряду Бесхвостые земноводные. Длина тела пять-шесть сантиметров. Окраска сверху бурая или оливково-серая с темными пятнами и точками. Брюшко белое или желтое. В брачный период самцы окрашены в светловато-синий или синевато-фиолетовый цвет с широкой светлой полосой на спине. Обитает на территории Центральной, Северной и Восточной Европы, а также в западной части Азии. Отсутствует в Великобритании, Ирландии, большей части Франции, на Пиренейском полуострове, в Италии, Швейцарии, на Балканах...» В голове маленького ребенка в один миг промелькнула полная информация по данному виду живот-

ных...

Лау еще рано утром заметила крадущегося РоМа и, когда тот удалился, осторожно переложила животных в коробочку, чтобы ненароком не раздавить во сне. Теперь Лау держала в ладони разноцветных лягушат и усиленно думала, куда бы их деть. Немного поразмыслив, она приняла решение. Сделав в одеяле небольшое углубление, чтобы они не сбежали, она посадила их туда и оглядела комнату.

Через несколько секунд в комнате был уже страшный беспорядок. Все стулья были опрокинуты, подушка валялась на полу, а вещи раскиданы по всей комнате. Лау подошла к окну и открыла его пошире. «Ну, вроде все готово, ничего не забыла». Она еще раз оглядела комнату и осталась довольна. Теперь подходила развязка утреннего шоу. Лау повернулась к окну, чтобы ее было лучше слышно, и заверещала что есть мочи. Она так покричала какое-то время, а затем со всей силы бросилась бежать на улицу, к веранде, где ее уже ждали остальные, покатываясь от смеха над своей очередной, как им казалось, удачной шуткой...

Глава 8

Ужин уже подходил к концу, когда Тинки сделала Лау очередное замечание по поводу ее внешнего вида:

– И вообще, девочки должны следить за собой более внимательно и не появляться при посторонних в мятых футболках... Сейчас же иди и переоденься, и чтобы это было в последний раз...

– Не пойду... – Лау надула губы и опустила голову.

Это было так неожиданно, что все одновременно посмотрели на реакцию Тинки. Та словно не слышала ответа Лау и продолжала как ни в чем не бывало:

– Снимешь с себя эту камуфлированную майку и наденешь розовенькую с пальмами. Я все погладила и положила тебе на кровать...

– Не пойду... – Лау повторила свой ответ, и это еще больше накалило обстановку. Девочка еще ниже опустила голову и вцепилась руками в кресло, как будто ее собирались силой заставить идти переодеваться...

– Пойдешь... Ты еще маленькая и должна слушаться...

Неожиданно за Лау вступился РоМ:

– Да пусть сидит в этой, какая разница?

– Большая. Вы, взрослые мужики, привыкли в камуфляже ходить, а ей еще рано...

– Сейчас рано, потом поздно, а когда в самый раз? И во-

обще, ты что раскомандовалась? В чем хочет – в том пусть и ходит...

Тинки внимательно всех оглядела:

– Это что же, бунт на корабле?

– Да, бунт... Нечего командовать... Ты, вообще, уже не член команды, а только командировочные здесь тратишь. Тебя уже в Городе давно ждут – сама говорила...

Неожиданно слово взял Свит:

– Я тоже считаю, что пора уже решать с Тинки. Решила уходить – значит, пусть уходит, а командовать здесь нечего. Предлагаю голосовать из исключения Тинки из команды.

Его поддержал РоМ, и Тинки поняла, что осталась одна против всех. Ей было понятно, что дело серьезное, и она резко поменялась в лице:

– Подождите. Проголосовать мы всегда успеем. Это так не делается. Давайте каждый подумает еще раз, и с утра проголосуем. Как говорится, утро вечера мудренее.

Все посмотрели на Блока. Тот утвердительно мотнул головой:

– Утром так утром...

Когда все разошлись спать, к Лау в комнату кто-то осторожно постучал:

– Заходите, кто там?

– Это я...

Тинки еле слышно проскользнула в комнату и села на кровать рядом с Лау.

– Я хотела с тобой переговорить.

– О чем? О дурацких платишках, которые я терпеть не могу?

– Нет, не об этом.

– А о чем тогда?

– О тебе и твоём будущем...

– И что с ним не так, по-твоему?

– Многое... Как ты думаешь, какое решение насчет тебя примет Блок? Думаешь, он оставит тебя в группе?

– А почему нет?

– Потому, что ты ребенок, и тем более, наверх уже должно о твоей ликвидации.

– И ты можешь что-то посоветовать?

– Посоветовать нет, а помочь могу.

– Как?

– Сначала обсудим утреннее голосование...

– А-а, вон оно про что ты...

– Именно. Значит, расклад такой – ты утром голосуешь за то, чтобы меня оставили в группе, а я на следующем голосовании насчет тебя – голосую за то, чтобы тебя оставили. Здесь все честно и справедливо...

– У меня тогда к тебе будет еще одно небольшое дополнение...

– Какое?

– Ты оставляешь меня в покое и больше не привязываешься со своим воспитанием.

– Договорились...

Через минуту Тинки уже была в комнате РоМа.

– Слушай, РоМик, помнишь, на последнем задании ты метнул нож, и он сверкал в ночи при лунном свете, как летающая тарелка?

– Ну, помню, и что?

– А ничего, что ты забыл, что его нужно было предварительно закоптить на костре и только после этого использовать? А так ты чуть не выдал наше расположение в засаде...

РоМ подскочил к двери и закрыл ее поплотнее от лишних ушей:

– И чего тебе теперь нужно от меня?

– Я забываю о твоей ошибке, а ты утром голосуешь за меня.

– Еще чего...

– Тогда я ненароком за завтраком скажу при всех, что ножи сегодня блестят не хуже тех, которыми ты кидался в Мексике, и это будет темой разговора всего завтрашнего дня.

РоМ еще раз проверил плотность закрытия дверей и чуть слышно прошептал:

– Ладно, но с условием, что ты забываешь об этой истории раз и навсегда, а то никогда тебе этого не прощу.

– Ну, конечно, я уже забыла...

Со Свитом было примерно так же:

– Вот ты вколол мне витамины, а у меня аллергия началась – я вся пятнами покрылась, хотя я тебе говорила, что

мой организм не переносит те лекарства.

– У нас других все равно не было в то время.

– Значит, не нужно было колоть вообще. Мне на задание идти – а у меня глаза слезятся и нос забит – дышать не могу. Я никому не сказала, что ты чуть не вывел из игры одного из членов команды, а могла бы.

– Но это же было давно совсем. Чего ты сейчас-то об этом вспомнила?

– А то, что я не хотела тебя подставлять тогда, а теперь хочу, чтобы ты так же отнесся ко мне. Мне нужно, чтобы завтра ты поддержал меня.

– Да не вопрос, но ты же сама, вроде, хотела в Город уйти, там тебя, вроде как, ждут...

– Еще не время...

– Короче, сама тогда решай. Я не против, если ты останешься...

Через десять минут Тинки уже крепко спала в своей комнате с чувством выполненного долга. Утром на завтрак все ждали развязки истории с Тинки. Блок в самом конце приема пищи напомнил всем о голосовании:

– Товарищи офицеры, сегодня мы с вами хотели решить очень важный вопрос. А именно: останется ли с нами Тинки или будет исключена из состава нашей группы. От нее самой поступило такое заявление, и мы должны поставить точку в этом деле. Кто-нибудь хочет сказать? Тинки, ты хочешь?

– Нет, я жду вашего решения...

– Кто за то, чтобы исключить Тинки из состава группы? Ну, смелее, смелее, товарищи... Ясно... Тогда я спрошу по-другому – кто за то, чтобы Тинки осталась?

В воздух взметнулись три руки. Лау тянула свою тоненькую ручку выше всех.

– Ну, тогда большинством голосов Тинки остается в группе с испытательным сроком.

– С каким это еще испытательным сроком? Ни на какие испытательные сроки мы не согласны, не было такого уговора... – Тинки прекрасно понимала, что теперь у всех появлялась тоненькая ниточка, через которую на нее можно будет воздействовать.

Блок прекрасно разбирался в своих людях и знал, что Тинки использует оставшееся ночное время в своих интересах, и результаты утреннего голосования его несколько не удивили. Поэтому он принял решение, которое, в первую очередь, устраивало его самого. Тинки тяжело вздохнула, но сейчас она была не в той ситуации, когда можно было качать права. В конечном итоге это решение устроило всех. Каждый выжал друг из друга все, что ему было нужно, и все остались довольны совершенными сделками...

Тинки стояла на веранде и подставляла свое лицо последним лучам заходящего солнца, когда к ней подошел Блок. Он облокотился на перила и устремил свой взгляд в бескрайнее море. Немного помолчав, Блок повернулся к Тинки:

– Как считаешь, насчет Лау уже пора докладывать наверх?

– Уже давно было пора, а сейчас я даже и не знаю, как ты будешь оправдываться...

– Вот и я не знаю. Может, можно придумать что-нибудь?

– Можно...

– Что, например?

– Можно такой вариант перевернуть – под дурочка...

Скинь какую-нибудь замысловатую информацию Отцу – и все. Он тебя вызовет на базу для объяснений, но эффекта неожиданности уже не будет, и он частично будет подготовлен к новости, а дальше уже как пойдет...

– А еще?

– Нет, думаю, что это единственный вариант у нас...

– Ну, значит, так и сделаем. Тогда придумай текст какой-нибудь...

– Уже придумала... Звучать он будет так: информация о ликвидации члена группы не подтвердилась. Агент в строю и ждет дальнейших указаний в работе...

– По-моему, чушь какая-то...

– Вот именно, что чушь, и именно поэтому тебя и вызовут для объяснений, а там ты просто подставишь имена и дашь какое-нибудь дурацкое объяснение ситуации.

– Может, ты поедешь объясняться? У тебя лучше получится.

– Ну уж, нет. Сам поезжай, тем более что все равно вызывать будут тебя...

Глава 9

На следующий день Блок уже сидел в кабинете Отца и давал полный расклад по сложившейся ситуации. Отец молчал, пока Блок рассказывал удивительную историю, и только в конце переспросил:

– Говоришь, ребенок с глазами Лау? И это было единственным подтверждением, что перед тобой оригинал, а не подделка?

– Она все помнит и знает все подробности и детали прошлых операций.

– Ты опытный разведчик, а повелся на такой детский развод? Может, тебе уже пора на заслуженный отдых, а твое место займет кто-то поопытнее? Ты хоть понимаешь, что оказывается, кто-то знает полный расклад по нашим делам и твоей группе? Кто-то полностью контролирует нас, а мы первый раз об этом слышим... Рассказы про реинкарнацию – это чушь, рассчитанная на любителей, а мы с тобой профессионалы и должны относиться к своей работе с должной осторожностью... Значит, так... Через два дня вы все вместе пойдете на стадион смотреть чемпионат Италии по футболу. Народу будет очень много, поэтому там легко затеряться. Поглядим на эту обновленную Лау. Про истинные мотивы посещения матча группе не докладывай. На следующий день вечером встретимся и поговорим еще раз. А сейчас возвра-

щайся назад на виллу...

Утром, за завтраком, Блок как бы невзначай поинтересовался планами на день у всех присутствующих. Тинки равнодушно ответила, что хотела бы побыть в тишине и, наконец-то, позагорать вдоволь. РоМ уже заказал водный мотоцикл и хотел погонять по морской глади. Свит желал наличие интернета и свободного времени для своей работы по изучению новых методов в нейрохирургии. Лау же по обыкновению могла присоединиться по своему желанию к любому из них. Одним словом, все были свободны, и Блок торжественно объявил о запланированном мероприятии на сегодняшний день:

– Друзья, нам несказанно повезло, и сегодня мы с вами все вместе отправляемся смотреть футбольный матч «Интер» – «Милан». Не нужно меня благодарить, вы же знаете, что для вас я готов на все...

– Я не могу, там будет столько народу, а у меня волосы плохо покрашены... – Тинки искала любой повод, чтобы избежать посещения шумного стадиона.

– А я говорю, что пойдут все, и сами потом мне еще спасибо скажете. Мы выезжаем через три часа, поэтому можете уже сейчас заказывать себе шарфы с символикой любимого клуба и кепки...

На стадионе было огромное количество народа. Шум был такой, что совершенно невозможно было разговаривать,

но это не мешало группе общаться в полной мере на пальцах. Болельщики начали собираться задолго до начала матча, и весь стадион был разделен на цвета двух соревнующихся клубов. Чувствовалось, что сегодня здесь большой праздник. Люди были в хорошем настроении, и весь стадион в унисон пел гимны своих любимых команд. Прекрасная солнечная погода вносила свою лепту в это торжество футбола Италии. На стадионе, казалось, собрался весь город. Люди шли и шли бесконечным потоком к воротам спортивного сооружения, и казалось, что этой людской реке нет конца и края.

Люди Блока уже сидели на своих местах и ждали начала матча. По дороге они купили прохладительные напитки и какие-то местные сладости. Лау сидела с большим кульком и, не переставая, ела. Она уже была вся измазана с ног до головы липким сиропом и сахарной пудрой.

Два часа на стадионе пролетели как один счастливый миг. Даже Тинки, далекая от футбольных страстей, и та настолько увлеклась болением за одну из команд, что пару раз вскакивала со своего места и все время порывалась выскочить на поле и показать этому кривоногому нападающему, как нужно забивать голы. Ее успокаивали все по очереди, и только когда матч закончился, она немного успокоилась и при всех поклялась, что ноги ее больше не будет на футболе, раз они не могут нормально играть. Возвращались уже в полной темноте, и Лау уснула на заднем сиденье такси, положив го-

лову на колени Блоку. Она что-то бормотала во сне, но сколько Блок ни прислушивался, так ничего и не смог разобрать. На виллу они приехали уже поздней ночью, и Блок на руках отнес Лау в ее комнату. Когда он положил ее на кровать, девочка неожиданно открыла глаза и еле слышно пробормотала:

– А Отец совсем не изменился, только глаза теперь у него стали какие-то усталые...

– А где ты его видела?

– Он сзади нас стоял, когда мы пиццу покупали. Правда, у него очки были большие, но все равно видно было...

– Это был не он...

– Он, он... Я же не совсем идиотка... – Лау сладко потянулась и, по-детски положив под голову обе ручки, тут же заснула сном младенца.

Глава 10

Отец сидел в уличном кафе и пил кофе. Блок подсел к нему, и услужливая официантка тут же подскочила к столику:

- Сеньор что-то будет заказывать?
- Да, чашечку вашего лучшего кофе, пожалуйста...
- Один момент...

Она исчезла и дала возможность встретившимся людям спокойно поговорить. Отец молчал. Блок, в свою очередь, ждал выводов, сделанных руководством. Наконец, Отец, допивая маленькую чашку ароматного напитка, произнес:

- Через две недели вся группа должна быть на базе.
- Есть работа?
- Да, есть.
- А что мне делать с ребенком? Не буду же я ее таскать с собой?

– Это не ребенок, а член твоей команды, к тому же прекрасный специалист по Азии – она нам сейчас очень пригодится. Ты сам подумай, какие возможности теперь открываются перед нами... Ни один нормальный человек даже и подумать не сможет, что ребенок – это первоклассный агент. Теперь у твоей группы появляются дополнительные козыри, которые, если правильно использовать, могут принести очень неплохие дивиденды.

– Может, подумаем над другим решением этой задачи? Наверняка, ведь еще есть варианты?

– Есть...

– Какие?

– Не очень радужные... Мы стираем ей память и отправляем в детский дом или забрасываем в какие-нибудь джунгли, и она там самостоятельно пытается выжить, а тебе в срочном порядке подбираем нового члена в группу. Ты командир – тебе и принимать решение. Первоначальную группу я тебе собрал, а вот дальше решать тебе, так как в дальнейшем ты уже отвечаешь за результаты операций.

– Я понял. У меня есть время подумать?

– Да, есть. Когда прибудешь на базу со своей командой, у тебя уже должно быть готово решение.

Отец встал и, оставив на столике несколько евро, вышел на улицу и сразу же растворился в толпе. Блок сидел теперь совершенно один, и в его голове крутилась только одна мысль. С собой на опасные задания Лау он брать не мог, а это означало, что ей сотрут память и отправят в детский дом... Детский дом... Или джунгли... Она никогда больше не вспомнит про них, про свой Таиланд, Капуи... В детском доме над ней будут все издеваться как над больным ребенком, и остаток жизни она проведет в какой-нибудь психиатрической больнице, и это если очень повезет. А не повезет, то будет бродить по городам в качестве вечно голодной и грязной попрошайки. Лау – гений разведки, первокласс-

ный специалист, миллионерша, наконец, – и нищая больная бомжиха...

В этот день БлокАДА не пришел ночевать домой. Его не было и весь следующий день. Ближе к вечеру у ворот виллы остановилось такси, и водитель, сильно матерясь и громко ругаясь, вытащил из машины совершенно пьяного Блока. Шофер был не в силах держать на руках огромного клиента, поэтому просто положил его на тротуар около стены и тут же уехал. Здесь его утром и нашел РоМ, который вышел пораньше на улицу, чтобы совершить небольшую пробежку.

За ночь Блок так и не протрезвел, и когда РоМ перетащил его в комнату и уложил на кровать, то тот все еще был не в силах даже пошевелить рукой. В себя он приходил больше двух суток. Рядом с ним попеременно дежурила вся команда. Свит постоянно делал какие-то капельницы, пытаясь вывести его из сильнейшего алкогольного опьянения. Все прекрасно понимали, что все это было неспроста и Блок знает что-то такое, от чего и пытался забыться. Что-то должно было произойти, но что именно, знал только он.

Часть III

Глава 1

Ровно через две недели база встречала команду Блока. Офицеры охраны слегка кивнули в знак приветствия заезжавшему на охраняемую территорию джипу – и ворота тут же наглухо захлопнулись. Все разбрелись по своим комнатам, так как до вечера были полностью свободны. Общий сбор был назначен сразу после ужина, и поэтому времени для личных дел было предостаточно.

Блок лежал на кровати и читал, когда над дверью загорелся огонек, – это означало, что его вызывает к себе Отец. Огонек был зеленого цвета, значит, можно было особо не торопиться. Блок привел себя в порядок и отправился в кабинет начальства. Он постучал в дверь:

– Разрешите?

– Давай заходи. Присаживайся...

Блок сел на свое обычное место. В кабинете, помимо Отца, находился еще один человек. Это был азиат невысокого роста и, судя по всему, с очень большими амбициями. Он высоко держал свою голову и снисходительно осматривал Блока. Отец представил незнакомца:

– Это господин Киеши Ямагути, он самурай одного из са-

мых древних и уважаемых кланов Японии, входящих в дом Токугава. Я думаю, что позднее он сам вам расскажет о себе более подробно, а сейчас я хотел бы, чтобы ты представил ему свою команду.

Самурай слегка наклонил голову и тут же задрал ее опять. Блок встал, давая понять, что он готов выполнить распоряжение Отца, и сделал шаг к двери. Отец тут же отреагировал:

– Господин Киеши, прошу вас. Сейчас вы увидите наших лучших из лучших. Мы очень долго подбирали эту команду и теперь можем по праву гордиться ею.

Отец долго хвалил людей Блока и приписывал им небывалые заслуги. Когда они уже подходили к комнате отдыха, где находились «супермены», «бэтмены» и прочие спасители Мира, Отец, прежде чем открыть дверь в комнату, на полном серьезе произнес:

– И запомните, господин Киеши, что теперь выполнение нашей общей миссии, да и, что там говорить, Ваша жизнь, будут полностью зависеть от этих людей. Это настоящие профессионалы своего дела, и, если бы мне пришлось рисковать своей жизнью, для прикрытия я выбрал бы именно их...

С этими словами он распахнул дверь и предложил самураю пройти в комнату. Но тут произошло непредвиденное. Как только дверь отворилась, коридор сразу же огласился изнутри диким шумом и визгом. До этого плотно закрытая, она не пропускала звуков, и теперь все это вырвалось наружу. От неожиданности самурай даже слегка отшатнулся

от дверного проема, но быстро взял себя в руки и сделал шаг навстречу людям, от которых теперь, по словам большого начальника, зависела его жизнь. То, что он увидел, было немного не тем, что он ожидал...

На двери распахнутого шкафа висел замотанный в скотч дико орущий ребенок. Он был, как египетская мумия, только один рот и огромные перепуганные глаза выдавали в этом кульке липкой пленки маленького человечка. У окна в нижнем белье стояла девушка – она выжимала рубашку и проклинала на чем свет стоит каких-то мужланов. Далее, на середине комнаты, на спинке стула балансировал огромный мужчина, делая ласточку, а второй кидал в него теннисные шарики, от которых первый должен был уклоняться. Все эти люди издавали дикие крики, и в комнате стоял такой невообразимый шум, что невозможно было даже примерно понять, как три человека и мумия с детскими глазами могли выдавать такое количество децибел.

Увидев незнакомца, девушка в один миг надела на себя мокрую рубашку, а человек-ласточка с грохотом свалился вместе со своим напарником, который бросился помогать ему слезть со стула. Блок и Отец как ни в чем не бывало прошли в комнату. Сразу же наступила полная тишина, и Блок начал представлять своих людей. Тинки стояла в луже, которая натекла с мокрой одежды. Свит и РоМ, красные от перенапряжения, выглядели не лучшим образом. Завершала общую картину Лау, оторванная от дверцы шкафа и полностью

замотанная в скотч. Самурай посмотрел на Отца:

– Так вы говорите, это – ваши лучшие люди?

– Лучшие...

– Ясно... Надеюсь, вы понимаете всю важность запланированных мероприятий и отдаете себе полный отчет.

– В полной мере...

– В таком случае, не будем терять время и начнем...

Японец вышел из комнаты в сопровождении Отца, а Блок остался внутри и плотнее закрыл за ними дверь:

– Вы что вытворяете-то? Совсем уже с ума посходили? Зачем дитя к стенке приклеили?

Свит, застегивая пуговицы на рубашке, начал оправдываться:

– Она ведро с водой поставила на шкаф. Мы Тинки вперед себя послали, а она не заметила растяжку, и ее окатило водой с ног до головы. Вот мы ребенка и наказали, чтобы научилась вести себя прилично...

– Зачем нужно было орла под потолком изображать?

– Ну, мы просто поспорили, сможет РоМ простоять так целый час или нет.

– Вам что, совсем уже заняться нечем?

– Почему, нечем? Занимаемся же...

Вскоре всех собрали в кабинете Отца. Команда уже привела себя в порядок и теперь была похожа на боевую единицу. Все были сосредоточены и собраны. Отец стоял у ок-

на и что-то рассматривал на улице. Все молчали, молчал и Отец. Наконец, дверь раскрылась, и вошел самурай.

– А вот и я... Джеки Чан собственной персоной... – на пальцах показала всем под столом Лау, и вся команды одновременно прыснула от смеха.

– Вообще-то, Джеки Чан – китаец, а господин Киеши – японец, – Отец, казалось, умел видеть затылком. Все удивленно переглянулись.

– А ну-ка, отдайте мне мои Курилы... – Лау все никак не могла остановиться, и ее просто распирало от переполнявших монологов.

Ее пальцы, не останавливаясь, выдавали все новые и новые перлы, в то время как она сама сидела с совершенно невозмутимым и спокойным видом. Вся команда уже еле сдерживалась от смеха. Наконец, Отец, так же, не оборачиваясь, прекратил это издевательство над японцем, который все еще стоял напротив дверей:

– Лау, если ты сейчас не успокоишься, то остаток совещания проведешь в своей комнате.

– Я поняла, а откуда вы знаете, что это я?

– Ты у меня в стекле отражаешься, разве трудно догадаться?

Лау, охнув, демонстративно прикрыла себе рот ладошкой и сделала испуганные глаза. Отец продолжал:

– Теперь мы можем приступить к общему ознакомительному рассказу. Прошу вас, господин Киеши...

Японец медленно подошел к столу и неторопливо сел. Выглядел он очень торжественно и важно. Негромко прокашлявшись, начал говорить:

– Это было очень давно. Так давно, что о тех временах не осталось совершенно никаких записей. Япония еще только начинала быть великой Японией в нашем понимании. События, о которых сейчас пойдет речь, начали происходить примерно за тысячу лет до нашей эры. Один молодой вождь протояпонского племени начал объединять под своими знаменами все ближайшие поселения и земли. Чтобы расширить свои владения, ему предстояло сойтись в битве с могущественным племенем северных айнов. Это были настоящие воины, которые считали честью погибнуть в бою, поэтому предстояла битва не на жизнь, а на смерть. Войска выстроились на большом поле между двумя горами, на вершинах которых были разложены костры вождей.

Вождь, еще совсем юноша, не спал всю ночь и молился своему Богу. Он просил дать ему силы и мудрости, чтобы одолеть врагов и создать империю. Под утро он свалился от бессилия и потерял сознание. Таким его и нашли соплеменники. Сначала они решили, что он умер, и даже хотели уже начать выполнять соответствующие ритуалы, но неожиданно он очнулся и стал рассказывать небывалые вещи. Он говорил, что только что вернулся из необычной страны, где люди летают, как птицы по небу, на звезды, и там он беседовал с мудрецами, которые дали ему много советов. Ему

не поверили, и все решили, что он слишком усердно молился и сошел с ума. Но в доказательство своих слов юноша распахнул накидку и показал всем чудесный меч, который ему напоследок подарили небесные люди.

Это был совершенно прозрачный меч из стекла. Юноша подошел к большой груде дров, вытащил оттуда толстый кусок дерева, поставил его на возвышение и замахнулся, чтобы попытаться разрубить. Молодой вождь со всей силы ударил по куску бревна, но меч пролетел с такой скоростью, что все решили, что юноша промахнулся. Но каково же было удивление людей, когда толстое бревно оказалось, как лезвием, разрезанным ровно пополам. Меч был таким твердым и острым, что превышал в несколько десятков раз крепость бронзовых мечей, которые изготавливались в то время. Не стоит сомневаться, что с таким мечом они выиграли сражение, и это было началом объединения нашей Японии. Позднее конфигурация этого меча стала эталоном для изготовления тысяч таких копий, и это были родоначальники знаменитого меча «катана».

Этот меч получил название «Меч утренней росы», так как был таким же прозрачным и чистым, как небесная роса. Впоследствии он передавался из поколения в поколение и принадлежал уже только императорским семьям. Даже просто один раз в жизни увидеть этот меч уже считалось большой удачей, не говоря уже о том, чтобы дотронуться до него. Так продолжалось много веков.

Со временем в Японии стали появляться первые самураи. Они служили сегунам или Императору и охраняли его и всю семью. Чтобы стать настоящим самураем, нужно было не менее семи поколений в семье без единого замечания верой и правдой служить своему господину. Если кто-то нарушал кодекс чести самурая, бусидо, то династия прекращалась, и только через семь поколений можно было снова попытаться стать самураем.

Моя семья входила в один из самых древних самурайских кланов. Мы были настолько приближенными людьми к Императору, что нам была оказана честь стать самураями правой руки. Это была очень большая честь для любого клана. Дело в том, что по древним законам в присутствии Императора или любого члена его семьи ни один человек не имел право обнажать оружие. Это неукоснительно касалось всех, кроме людей из нашего клана. Мои предки все время находились по правую руку от Императора и в любой момент готовы были выхватить мечи и броситься на защиту своего господина. Тут есть одна деталь. Когда самурай правой руки выхватывает свой меч, то острое лезвие проносится всего в нескольких сантиметрах от головы Императора – именно поэтому здесь всегда находились только самые опытные и проверенные самураи – слишком большой был риск поранить или даже убить хозяина. Наша семья была самураями правой руки очень много поколений.

Так продолжалось бы и дальше, но однажды во время

длительного похода на императора было совершено разбойное нападение. Господин был убит стрелой, тогда же пропал и меч. Меч так и не был найден, и про него до сих пор нет никакой информации, а наш клан потерял звание самураев правой руки. Сначала нас отстранили от охраны семьи Императора, а затем убрали и с охраны императорского дворца. На наше место встал другой клан, который до этого момента находился по левую сторону от Императора. Многие члены нашего клана постепенно ушли в ниндзя, затем со временем превратились в якудза... Так мы потеряли уважение, и этот позор тянется за нами до сих пор. После гибели Императора цвет кимоно наших людей стал черного цвета. На протяжении многих веков все наши люди использовали только черные одежды.

Внезапно японец замолчал, и в кабинете воцарилась полная тишина. Лау слушала рассказ с открытым от удивления ртом. Неожиданно для всех самурай вытер навернувшиеся на глаза слезы и продолжил:

– Любой член нашей семьи или клана посчитал бы честью отдать свою жизнь и вернуть потерянное уважение. Именно поэтому я сейчас и нахожусь здесь. Сейчас наш клан имеет все: деньги, власть, но у него нет былого уважения. Мы готовы пойти на любые жертвы, чтобы вернуть справедливость и занять достойное место в истории нашей страны.

Самурай вдруг опять стал тереть глаза и не в силах больше

сдерживать рыдания быстро вышел из кабинета в коридор. Отец обвел взглядом команду и подытожил рассказ:

– Одним словом, нужно разыскать этот «Меч утренней росы» и вернуть его этому самурайскому клану. За это они помогают нам подписать долгожданный мирный договор со своим правительством и берут на себя обязанность по обеспечению Дальнего Востока всей инфраструктурой за свой счет.

– А что будет дальше с нашей черепашкой-ниндзя? – продолжала издеваться Лау.

– По возвращении ему сотрут часть памяти и спокойно отправят домой. Так что он даже не вспомнит никого из вас. По заданию сложностей и проблем быть не должно. Операция уже разработана, и у вас есть достаточно времени, чтобы хорошенько подготовиться. Вы будете отправлены на пару месяцев раньше убийства императора, к его появлению на дороге. Затем уже будете ждать того, кто заберет меч... Ну, а дальше вы знаете, что нужно делать... Наш самурай – уважаемый человек, поэтому попрошу к нему относиться с почтением.

– Что-то наш грозный самурай чересчур уж сентиментальный какой-то. За один рассказ – два раза прослезился... это нехорошо... очень нехорошо показывать свою слабость на людях.

– Я еще раз повторяю, что он очень уважаемый человек, и вы будете относиться к нему с должным почтением и, мало

того, следить, чтобы ни один волос не упал с его головы. Это всем ясно?

– Ясно...

– Ну, если ясно, то через десять минут всех жду в компьютерном классе – будем изучать древний японский язык и историю...

Когда все уже почти вышли из комнаты, Тинки неожиданно остановилась в дверях и, повернувшись к Отцу, отчетливо произнесла:

– А что, наш япончик – член общества ЛГБТ?

– С чего ты взяла?

– Ну, я же не слепая... У него волосы крашенные и глаза подведены. К тому же губы нарисованы. Вы сами-то не увидели, что ли?

Отец буквально на какой-то миг опустил глаза, но тотчас поднял на Тинки острый прищуренный взгляд:

– Это японский самурай, и этим все сказано. Никаких геев и лесбиянок...

– Ну-ну... – Тинки недовольно хмыкнула, и на этом тема была закрыта.

Глава 2

Занятия проходили в усиленном режиме больше месяца. Целыми днями команда практиковалась в спортзале с боевыми мечами в спаррингах. В течение всего времени общались только на японском языке. Самурай не принимал участия в занятиях. Он часами медитировал и изредка снисходительно поглядывал на тренирующихся. Один раз он подошел к Тинки и сделал замечание по поводу ее боевой стойки с мечом:

– Локоть держи выше и чуть поверни голову...

Больше от него никто ничего не услышал за все время тренировок. Мастер по кэндо очень уважительно относился к самураю и каждый раз при входе в зал кланялся ему. Тот снисходительно еле кивал на приветствие. Он всегда садился на одно и то же место в зале и, закрыв глаза, то ли спал, то ли медитировал. Рядом с ним всегда стоял небольшой термос с ароматным чаем и лежал его боевой меч, который так ни разу за все время и не покинул своих ножен.

Компьютерная программа по технике кэндо уже прочно засела в головах тренирующихся, и сенсей удовлетворенно кивал своим ученикам, поощряя достигнутые ими высокие результаты. Лау доставалось больше всех. Она с большим трудом удерживала в руках тяжелый меч, но тренировалась наравне со всеми, и ее громкое сопение было слышно на весь

спортивный зал.

По вечерам все просматривали фильмы по истории Японии и боевики про самураев. Японец всегда с усмешкой смотрел на экран, и было понятно, что он не разделяет мнение режиссеров о тех временах, которые сейчас демонстрировались в зале. Он по-прежнему ни с кем не разговаривал, и его голос можно было изредка услышать только на общих собраниях, когда Отец собирал всех в своем кабинете для каких-то уточнений или отчетов.

Так было и сегодня. Тинки сидела на своем месте и потирала ушибленное плечо. Японец остановился прямо перед ней и с многозначительной ухмылкой произнес:

– Собрался завести кошку – не забудь купить в аптеке зеленку замазывать царапины...

Тинки недоуменно посмотрела на РоМа. Тот – на Свита, а ему уже ничего не оставалось, как перевести свой взгляд на Лау. Та, не моргнув глазом, перевела:

– Занимаешься боевым искусством – будь готов получать раны... Я думаю так...

Японец отошел от Тинки и, гордо подняв голову, уселся в кресло рядом с местом Отца. Тинки осталась недовольна столь пристальным вниманием к своей персоне и, взяв с собой Лау для подстраховки, подошла к японцу. Тот только что допил чай и поставил чашку на стол рядом с собой.

– Любишь кататься – люби и саночки возить... – Тинки уже стояла рядом с ним, а маленькая переводчица, хлопая

глазами, пыталась найти объяснение для японца:

– Ну, это вроде – чай попил, давай иди, мой за собой чашку, здесь слуг нет...

Тинки удовлетворенно посмотрела на Лау, а самурай от неожиданности встал, неуверенно взял грязную чашку в руки и недоуменно огляделся. Не найдя поддержки со стороны присутствующих, он вышел из кабинета, но в дверях столкнулся с Отцом:

– Вы куда, господин Киеши?

Тот молча показал грязную чашку в своих руках.

– Да бросьте вы. Потом все уберут, а сейчас заходите и садитесь на свое место.

Японец вошел в кабинет и тут же встретился взглядом с Тинки. Она стояла посреди кабинета и не сводила с него глаз. Самурай отвернулся и, поставив чашку на стол, сел в кресло. Отец прошел на свое место:

– А ты что выстроилась посередине? Садись уже, нечего здесь маячить перед глазами...

Тинки вернулась в кресло и на какое-то время успокоилась. На следующий день ситуация повторилась. Только теперь все происходило в бассейне, где команда занималась подводным плаванием, а японец сидел на мягком коврикe в углу. Блок недовольно поглядывал на чужака, но молчал. Киеши поймал недружелюбный взгляд и неожиданно для всех громко крикнул плескавшимся в бассейне людям:

– Ветви, что дают прохладу, – не рубят...

Свит поймал за ногу проплывавшую мимо него Лау и слегка приподнял ее над водой. Та, едва отдышавшись, перевела:

– Примерно, как – не плюй в колодец, пригодится воды напиться...

Самурай снова замолчал на целый день. Наконец, вечером, Блок не выдержал и подошел к японцу:

– В моей группе все подчиняются строгой дисциплине, и здесь нет «хочу» или «не хочу». Поэтому, будьте добры, заниматься наравне со всеми...

– Зачем?

– Затем, что если завтра нам предстоит вступить в бой, я должен быть уверен в каждом своем человеке. А так как за вашу жизнь мы отвечаем своими, то вы должны быть готовы к любому раскладу.

– Завтра будет дуть завтрашний ветер...

Блок огляделся по сторонам в поисках своего карманного переводчика – Лау, и та мигом оказалась рядом:

– Завтрашние проблемы будем решать завтра... – отчеканила она и помчалась дальше выполнять задание тренера.

– Ну, завтра так завтра, – негромко проговорил Блок и отошел от важного японца, а тот снисходительно усмехнулся и ехидно добавил:

– Вдруг война, а я устал...

Ночью Блок проснулся, потому что услышал, как в две-

ри медленно повернулась ручка. Через секунду он уже был у двери с ремнем в руках и ждал появления незваных гостей. Дверь приоткрылась шире – и в комнату проскользнул человек. В следующее мгновение БлокАДА накинул ему на шею ремень и слегка затянул петлю. Незнакомец еле слышно захрипел и почти сразу же обмяк в руках разведчика. Блок подождал какое-то время, но в комнату больше никто не входил. Тогда он, прикрываясь телом, как щитом, выглянул в коридор. Здесь все было тихо и спокойно. Блок осторожно положил тело на пол и только теперь сумел разглядеть его. Это был самурай. Он лежал, выпучив глаза, и чуть слышно хрипел. Разведчик мигом скинул с его шеи петлю и, налив в стакан воды, стал поливать полуживого японца. Сначала тот долго приходил в себя, а затем стал жадно пить предложенную ему воду. Наконец, когда тот уже окончательно пришел в себя, Блок спросил:

– Что нужно?

– Поговорить...

– Говори.

– Не здесь.

– А где?

– Пошли, только людей своих возьми. У меня разговор ко всем будет...

Через минуту вся команда уже была в сборе. Труднее всего было Лау. Она, все еще не проснувшись до конца, дремала на руках Свита, положив голову ему на плечо. Самурай уже

полностью восстановился, и к нему опять вернулась его важность. Он прохаживался перед командой и негромко объяснял суть происходящего:

– Сейчас вы должны будете приобрести навык, который в будущем поможет и вам, и мне в выполнении задания. Это, на первый взгляд, очень простое упражнение, но тот, кто сумеет его выполнить, – получает дополнительные козыри.

Они прошли в плавательный бассейн, и японец указал на бамбуковую дорожку, положенную поверх воды в пятидесятиметровом зале:

– Все, что от вас требуется, – это пробежаться по воде с такой скоростью, которая позволит вам, не промокнув, преодолеть данное расстояние. Сумеете – значит, сможете бегать по болотам и рисовым полям, а значит, ваши шансы на выживание существенно повысятся. Не сможете – значит, мне одному придется добывать меч.

РоМ внимательно осмотрел бамбуковую дорожку и усмехнулся:

– И ради этого нас подняли в самую ночь?

– Именно...

– Это нереально. Ты физику, что ли, совсем не учил в школе?

– Мне ваша физика ни к чему. За меня наши предки уже все выучили и посчитали. Каждый настоящий самурай легко выполнит это упражнение. Так что, если собрались в Японию, – учитесь...

Свит подошел к краю бассейна и внимательно осмотрелся. Через минуту он уже стоял на небольшом расстоянии от воды и готовился к разбегу. Все подошли поближе, чтобы посмотреть на результат. Но Свит радовал всех недолго. Как только его ноги коснулись дорожки, уже через три-четыре метра он полностью погрузился в воду под общий смех всех присутствующих. Выбравшись на бортик, он весело крикнул:

– РоМ прав – это нереально. Тут нужно быть или святым, или уметь летать... Я в воду больше не полезу. Сами купайтесь...

Все одновременно посмотрели на японца. Тот, видимо, понял, что от него хотят, и, небрежно скинув с плеч легкую куртку, подошел к воде:

– Едешь в страну «У» – исполняй ее обычаи...

Лау чуть приподняла свою головку и пробубнила:

– В чужой монастырь со своим уставом не ходят... – и тут же опять уснула, теперь уже на руках РоМа.

Самурай на пару секунд остановился у края воды и вдруг, прыгнув на дорожку, быстро побежал по воде. Это было так неожиданно, что все буквально затаили дыхание, чтобы ненароком не помешать «бегущему по волнам». Добежав до другого края бассейна, он ловко запрыгнул на бортик и неторопливо вернулся ко всем:

– Как видите, это совсем несложно. Поэтому, пока не освоите это простое упражнение, даже не думайте подхо-

дить ко мне со своими глупыми тренировками. Я не собираюсь тратить свое время на эти ваши бессмысленные уроки.

Все молчали. Самурай еще раз снисходительно посмотрел на всех и вышел. Блок подошел к воде:

– Вот это номер... По ходу, наш япошка еще тот... Смотрит на нас, как на клоунов, а мы тут перед ним чего-то напрягаемся. Короче... Пока не научитесь бегать по воде – спать не пойдете...

Лау, до этого дремавшая на плече РоМа, медленно сползла с него и, еле перебирая ногами, направилась к стартовой линии. Не обращая внимания на стоявших рядом друзей, она совершенно без подготовки запрыгнула на дорожку и засеменила своими маленькими ножками. Через некоторое время она уже была на противоположном берегу и, не открывая заспанных глаз, почти на ощупь направилась к себе в комнату, в свою теплую уютную постель, досыпать остаток ночи. Утром она нашла всю команду здесь же. Никто так и не ложился, и, судя по мокрому полу вокруг бассейна, можно было предположить, что положительных результатов пока никто не достиг...

Отец сидел в кресле в кинозале перед большой картой и негромко объяснял тонкости будущей операции:

– Значит, еще раз говорю, вы будете заброшены в труднопроходимые горы. Здесь разобьете лагерь, а здесь и здесь – точки для контроля дороги, через которую пойдет импера-

торский кортеж. Через два месяца вы должны выдвинуться к месту покушения на Императора и выполнить поставленную задачу...

Глава 3

Время летело быстро и незаметно. Казалось, что они еще только вчера прибыли на базу для получения очередного задания, а на завтра уже была назначена отправка. Как и в прошлые разы, последний день был свободным, и все проводили его по своему усмотрению. Тинки слушала музыку, надев большие наушники и уютно расположившись в кресле; РоМ гонялся по всей тренировочной базе за визжащей Лау, а Блок и Свит резвились в большом бассейне с водными горками. Вечером все собрались вместе, чтобы загрузить ящики с оружием и оборудованием для отправки.

Блок смотрел на своих людей и думал о том, что ему всегда не везло в этой жизни. Даже сейчас, он – руководитель элитной группы специального назначения, и, вроде как, этим можно гордиться. Но если посмотреть на группу со стороны, то выходило совсем по-другому. Тинки – настоящая модель, и ей нужно ходить по подиуму где-нибудь в Париже на показах мод, а не лазить по горам с автоматом. РоМ – ненормальный, совершенно не знает, что такое страх, и все время находится на острие опасности. И если сейчас Судьба благоволит ему, то обязательно придет время, когда она отвернет от него свое ясное личико – тогда для него все может закончиться очень печально... Свит – чернокожий хирург, а Лау – вообще, ребенок. Группа была как на подбор: кому скажи –

не поверят... И тем не менее, они все были друзьями, и он готов был, не задумываясь, пойти на любые жертвы, чтобы помочь каждому из них. А уж чтобы заменить кого-то из них другим – об этом даже не могло быть и речи...

В день отправки Отец заметно нервничал. Во время последнего инструктажа в своем кабинете он неоднократно вставал и подходил к окну, что ни для кого не осталось незамеченным. Блок чувствовал, что что-то идет не так, и поэтому решил сразу же покончить с этим:

– Наверное, нам уже пора...

– Да, пора...

Отец первым встал и направился к двери. За ним потянулись и остальные. Уже в коридоре он слегка отстал от основной группы и встретился глазами с Блоком. Тот так же замедлил шаг. Отец, еле двигая губами, чуть слышно процедил:

– Что бы ни случилось, вы должны выполнить задание и вернуться, и самое главное... ничему не удивляйся – все идет так, как должно идти. Не подведи меня...

– Все будет, как запланировали...

Отец протянул руку Блоку, и тот в первый раз за все время их знакомства пожал ладонь своему руководителю.

В комнате отправки, когда все уже было готово и команда занимала места в капсуле, неожиданно распахнулась дверь, и вошел помощник Отца. Это было грубейшим нарушением

ем всех правил и дисциплин. Он быстро подошел к Отцу и, отвернувшись ото всех, стал что-то быстро говорить. Его не было слышно, но его губы слегка отражались от стен, покрытых блестящей кафельной плиткой, и Блок сумел прочитывать обрывки нескольких фраз:

– Министр Обор... Приб... без предупреж... Сопровож...
Требует руковод... Охраны около роты...

– Я понял... Буду через две минуты... На территорию базы никого не пускать... Объявить боевую тревогу...

Отец махнул рукой Блоку:

– Все... Отправляемся...

Блок сделал шаг на железный пол капсулы и закрыл за собой люк из толстой блестящей стали.

Глава 4

Холодный ветер гнал серые грозовые тучи, которые медленно кружили над огромной мрачной горой. Верхушки высоченных деревьев были окутаны плотным спускающимся вниз туманом, и воздух насквозь был пронизан ледяной влагой. Зеленая тайга выглядела серой и угнетающей. Она как бы сразу же предупреждала непрошенных гостей: здесь не до шуток, и знайте... я за вами наблюдаю...

– Вот она, моя Родина... Как же долго я мечтал увидеть тебя, моя великая Япония... – Киеши со слезами на глазах смотрел на величественные горы, верхушки которых были покрыты сверкающим снегом.

Он растворился душой в величественной природе и мыслями был уже где-то очень далеко. Но его тело по-прежнему оставалось здесь, и оно, едва сделав первый же шаг навстречу своей заветной мечте, неосторожно оступилось и тут же полетело под откос, размахивая во время отрыва от родной земли раскинутыми в разные стороны руками и ногами. Громкие крики сопровождали весь этот полет «Икара», и вся группа тут же присела на корточки, оцетившись стволами автоматов. В конце своего полета японец громко вскрикнул, присел на землю и испуганно огляделся.

– Вывих, причем сильный... – Свит через минуту осмотрел больного и укоризненно покачал головой:

– Идти не сможет, придется нести...

– Может, здесь оставим, а на обратном пути заберем...

Оставим ему немного еды и воды... – Лау негодовала.

Она стояла над больным и до побеления сжимала в своих маленьких кулачках лямки походного рюкзака.

– Я не останусь здесь... один... Вы без меня не сможете ничего сделать. Только я знаю некоторые особенности операции... Мне Отец обещал, что вы позаботитесь обо мне... – самурай был испуган и расстроен.

Он держался за свою больную ногу и тихонько стонал. Слезы восхищения исторической Родиной плавно перешли в слезы отчаяния и боли. Блок стоял немного в стороне ото всех и думал. Ему хватило минуты, чтобы принять решение:

– Значит, так... Япошку потащим с собой. Отойдем от места прибытия подальше и там сделаем первый привал. На месте уже решим, как поступить. А ты, – он обратился к Киеши, – с этой минуты начинаешь подчиняться общим правилам нашей группы. Никаких привилегий, работаешь наравне со всеми. И поблажек не жди. То, что тебе Отец наобещал, – он же и выполнит, а здесь мы все работаем единой командой. Ты меня хорошо понял? Что ты мне головой киваешь? Я тебя еще раз спрашиваю: ты меня хорошо понял?

– Понял...

– И все запомнил?

– Все запомнил...

– Ну, вот и отлично, а то не посмотрю, что уважаемый

человек, – мигом спишу в расход...

Блок повернулся к команде:

– Тинки, Свит, вы остаетесь здесь и маскируете груз. Мы тащим «инвалида» и готовим привал. Все, разбежались...

Спустя сутки, команда уже снова собралась вместе. Свит и Тинки без труда догнали основную группу, и теперь разведчики отдыхали на берегу небольшой речки. Это даже была не речка, а маленький ручеек, но во время дождей и весной этот водный поток превращался в нечто страшное и гудящее. Сегодня был именно такой день. Судя по всему, здесь несколько дней уже шли дожди, и проток теперь напоминал бурлящую реку.

Небольшой костерок был тщательно укрыт от случайных глаз, а сытный ужин и горячий кофе делали эту неприветливую обстановку несколько уютнее. В лагере каждый был занят делом, и лишь «раненый» все время лежал у костра и снисходительно поглядывал на окружающих. Он уже полностью успокоился, а обработанная Свитом больная нога сейчас его не беспокоила. Самурай подкинул в костер пару веток и многозначительно произнес:

– Как говорится, гость – на кровати, а хозяин – на крыльце...

Все по привычке посмотрели на Лау, но та неожиданно наморщила лоб:

– Нет такой пословицы...

– Это не пословица, а поговорка...

– А я говорю, что нет такой поговорки...

– Нет, есть...

– Нет, нету...

– Ну, раньше, может, и не было, а теперь вот будет... Все пословицы и поговорки все равно люди придумывают...

Недовольная Лау снова продолжила свое прерванное занятие. Над лагерем на огромной высоте застыл беспилотник, а монитор планшетника показывал все передвижения в лесу на расстоянии нескольких километров, причем, все передвижения сопровождалось звуковыми сигналами. Тем не менее Тинки была выставлена в качестве дозорного, а остальные сели поближе к огню. Блок с кружкой ароматного напитка в руках объяснял задачу на следующий день:

– Рано утром, как только начнет светать, мы должны перебраться на тот берег и отойти подальше от места ночевки. Переправу будем проводить в ускоренном режиме. Неожиданно его прервал Киеши:

– Здесь плохое место для переправы. Если пройти вниз по течению, то через двое суток можно будет найти хороший брод и по нему спокойно переправиться.

– Потерять двое суток из-за переправы? Будем считать, что это на тебя действует обезболивающий укол. Свит, ему больше лекарств не давай никаких, а то они на него действуют как-то подозрительно.

– Еще раз говорю, что здесь нельзя переправляться...

– Объясни, почему...

– Ну, нельзя – и все... Я пока не могу вам сказать причину, но она очень убедительная, уж поверьте мне...

– Настолько убедительная, что мы можем потерять из-за нее столько времени?

– Да, тем более, что плюс-минус двое суток для нас роли не сыграют.

– Короче, или ты прямо сейчас говоришь, почему, или, вообще, можешь молчать всю дорогу. Здесь секретов ни у кого нет.

– А вы мне можете обещать, что не будете использовать информацию, которую я вам скажу, против меня?

– Ты чего-то темнишь... Я никому и ничего не собираюсь обещать. Завтра переправляемся здесь...

– Подождите, не принимайте необдуманных решений... Одним словом... В общем... Ну, значит... это... я плавать не умею и сразу же утону... слова японца прозвучали, как гром среди ясного неба. От него можно было ожидать услышать все, что угодно, но только не это... Первой в себя пришла Лау. Она подскочила к Киеши и от негодования дала ему подзатыльник:

– Плавать не умеет и еще врет насчет пословиц... Ты что тогда столько времени на базе терял? А еще сидел там советы всем раздавал, пословицы всякие придумывал. Я же говорила вам, давайте оставим его одного в лесу, а еще лучше я его сама утоплю завтра с утра в речке.

– Вот это номер... – РоМ только сейчас обрел дар речи. –

Ты же по воде бегал, как святой, как это не умеешь плавать?

– Я поэтому и бегаю по воде хорошо, что плавать не умею. С детства воды боюсь и ничего с собой поделывать не могу. Даже на пароходах меня сразу же начинает колотить, и ноги с руками отказываются слушаться. Короче, я не смогу переправиться через реку, что хотите со мной делайте...

– Завтра разберемся... Чтоб я еще хоть раз кого-то левого в команду взял... – Блок приглушенно ругался. – А вы куда смотрели?

– Туда же, куда и ты...

– Короче, Лау, отвечаешь за него ты... Если завтра утонет, то сильно не переживай. Спишем это на несчастный случай или скажем, что сбежал к своим сородичам... А теперь всем отдыхать.

Команда поудобнее расположилась вокруг костра для ночного отдыха, и только Киеши никак не мог уснуть. Он прекрасно понимал, что теперь его жизнь полностью зависит от этого злого командира группы и что завтра, скорее всего, он утонет в этих беспокойных водах. Лишь под утро сон одержал верх над страхом, и японцу показалось, что он только что закрыл глаза, а его уже грубо толкнули в плечо:

– Вставай, нам пора...

– А сколько времени-то? Вон, темно же еще... Все равно ничего не видно...

– Вставай, тебе говорят, или можешь здесь оставаться, мы пошли...

Самурай огляделся по сторонам:

– А где все?

– На том берегу уже давно и вещи перетащили, пока ты тут нежишься.

Противная Лау стояла рядом со своим подопечным и терпеливо ждала, когда тот, наконец-то, сообразит, что происходит. Пока он спал, команда обеспечила веревочную переправу и благополучно перебралась на противоположный берег, и теперь только оставалось перетащить этого неуклюжего индюка, как прозвала его про себя Лау:

– Шевелись давай, а то отстанем и догонять долго придется всех.

– Я и так тороплюсь, просто нога еще болит немного.

– Свит сказал, что сегодня ты уже сам сможешь ходить, так что быстрее давай.

На берегу реки было особенно холодно и неприятно. Влажный ветерок сразу же выдул все ночное тепло костра, и Киеши понял, что не сможет сделать и шагу навстречу грозной реке. Он послушно выполнял все распоряжения Лау, как во сне, и ни разу не огрызнулся на ее постоянные издевательства, а та уж старалась изо всех сил:

– Повернись спиной... Руки подними... Еще раз повернись... Подожди, что-то это мне напомнило... А, вспомнила... Я же это уже видела, ну, точно видела... Вот так же вашу Квантунскую армию в сорок пятом по горам водили. Теперь веревку затяни на ремне и вокруг себя обмотай. Ты что,

по своей Фудзияме не лазил никогда? – издевательства лились непрекращающимся потоком, и Лау вдоволь насладилась своей победой над уничтоженным противником. Наконец, приготовления были закончены, и она кому-то махнула рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.